

**Департамент культуры Министерства обороны
Российской Федерации**

**Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры
и искусства «Центральный военно-морской музей
имени императора Петра Великого»
Министерства обороны Российской Федерации**

Ассоциация военно-морских музеев и хранителей морских традиций

**КРУГЛЫЙ СТОЛ,
ПОСВЯЩЕННЫЙ 195-ЛЕТИЮ НАВАРИНСКОГО СРАЖЕНИЯ
8 (20) ОКТЯБРЯ 1827 г.**

СБОРНИК ДОКЛАДОВ

**Центральный военно-морской музей
имени императора Петра Великого**

20 октября 2022 г.

**Санкт-Петербург
2023**

Печатается по решению Ученого совета
Центрального военно-морского музея
имени императора Петра Великого

Сборник докладов круглого стола,
посвященного 195-летию Наваринского сражения
8 (20) октября 1827 г.

ЦВММ, 20 октября 2022 года

Сборник подготовлен
под общим руководством директора
Центрального военно-морского музея
имени императора Петра Великого
Р.Ш. Нехая

Редакционная коллегия:

О.В. Биято, С.Д. Климовский, К.А. Коломиец, В.Е. Лукин, С.Ю. Курносков,
А.Н. Чернавский, Н.В. Шишкова

Материалы сборника включают в себя доклады, прочитанные в Центральном военно-морском музее имени императора Петра Великого на круглом столе, посвященном 195-летию Наваринского сражения 8 (20) октября 1827 г., с участием ведущих специалистов в области всеобщей и военно-морской истории. Одно сообщение публикуется с заочным участием автора. Издание адресовано профессиональным историкам, музейным работникам, сотрудникам общеобразовательных учреждений, учащейся молодежи, представителям ветеранских организаций, сотрудникам муниципальных органов, а также всем интересующимся историей Военно-Морского Флота и военной историей России.

© Центральный военно-морской музей, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Т.В. Андреева. Греция — центр внимания ведущих морских держав в начале XIX века: Англия, Франция и Россия и события в Греции

Л.В. Выскочков. Николаевская Россия в борьбе за независимость Греции

К.Б. Назаренко. Морской костюм эпохи Наваринского сражения

Г.А. Гребенищикова. Корабли — герои сражения под Наварином

С.В. Чернявский. Адмирал М.П. Лазарев и его «школа»

В.Г. Смирнов. Адмирал Логин Петрович Гейден — 50 лет на службе России

О.Н. Кондакова. Участники Наваринского сражения в документах РГАВМФ

В.Г. Андриенко. До и после Наварина. Фрагменты

Сведения об авторах

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АНДРЕЕВА Татьяна Васильевна — ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук, доктор исторических наук, Санкт-Петербург.

АНДРИЕНКО Владимир Григорьевич — историк флота и судостроения, Санкт-Петербург (заочное участие).

ВЫСКОЧКОВ Леонид Владимирович — профессор Института истории Санкт-Петербургского государственного университета, доктор исторических наук, Санкт-Петербург.

ГРЕБЕНЩИКОВА Галина Александровна — заведующая лабораторией истории флота и мореплавания Санкт-Петербургского государственного морского технического университета, доктор исторических наук, профессор межвузовского центра СПбГМТУ, академик Российской академии естественных наук, Санкт-Петербург.

КОНДАКОВА Ольга Николаевна — главный специалист отдела информационного обеспечения и выставочной деятельности Российского государственного архива Военно-Морского Флота, кандидат исторических наук, Санкт-Петербург.

НАЗАРЕНКО Кирилл Борисович — профессор Института истории Санкт-Петербургского государственного университета, доктор исторических наук, Санкт-Петербург.

СМИРНОВ Валентин Георгиевич — директор Российского государственного архива Военно-Морского Флота, доктор исторических наук, Санкт-Петербург.

ЧЕРНЯВСКИЙ Сергей Владимирович — ведущий научный сотрудник Российского государственного исторического архива, кандидат исторических наук, доцент, Санкт-Петербург.

Научное издание

МАТЕРИАЛЫ
круглого стола,
посвященного 195-летию Наваринского сражения 8 (20) октября 1827 г.
СПб.: ЦВММ, 2023

Ответственный редактор
Научный редактор
Литературный редактор

С.Д. Климовский
С.Ю. Курносков
Т.М. Иванова

Федеральное государственное бюджетное учреждение
культуры и искусства
«Центральный военно-морской музей имени императора Петра Великого»
Министерства обороны Российской Федерации

190121, Санкт-Петербург, ул. Большая Морская, д. 69А
тел./факс: (812) 303-85-11
e-mail: navalmuseum_dm@mil.ru

ГРЕЦИЯ — ЦЕНТР ВНИМАНИЯ ВЕДУЩИХ МОРСКИХ ДЕРЖАВ В НАЧАЛЕ XIX ВЕКА: АНГЛИЯ, ФРАНЦИЯ, РОССИЯ И СОБЫТИЯ В ГРЕЦИИ

Вопрос о независимости Греции являлся центральным в европейской политике всю первую треть XIX века. Греческая революция 1821–1829 гг. была лишь заключительным этапом процесса национального возрождения Эллады, тесно связанного с борьбой геополитических и экономических интересов ведущих морских держав, прежде всего Англии, Франции и России. Активную и сильную позицию в «греческом вопросе» занимала Россия, стремившаяся в его решении реализовать как свои внешнеполитические задачи, так и национально-освободительные устремления греков. Стратегической целью российского правительства в вопросе освобождения Греции от турецкого ига в царствование Александра I и в начале правления Николая I являлось укрепление державного и морского могущества Российской империи. Создание самостоятельного христианского греческого государства рассматривалось в качестве составной части программы политического, вероисповедного и социально-экономического развития Балканского региона Европы как форпоста России. Однако тактические инструменты ее реализации были различными. Трансформация политики в отношении «греческого вопроса» в начале николаевской эпохи обуславливалась утверждением международного авторитета Российской империи в результате военных побед, начиная с Наваринского сражения, а также изменением идеологической парадигмы внешнеполитической доктрины России.

Но вернемся к началу XIX века. Победные условия русско-турецких войн екатерининского царствования, прочно связавшие историческую судьбу греков с Россией, необходимость усиления ее позиций на Востоке путем выхода в Средиземное море, важность торговой и политической экспансии

на Балканы и укрепления обороны черноморских и дунайских границ — все это обусловило покровительственную политику Александра I в отношении Греции, вероисповедную и социальную поддержку христианского населения Оттоманской Порты. Данная политика определялась не только стремлением императора сохранить мир на Востоке и защитить христианскую веру, но главное — реализовать идею «единой христианской Европы» созданного им 14 сентября 1815 г. Священного союза. Ведь важнейшим принципом Союза являлось объединение европейских народов на основе христианства и утверждение приоритета общеевропейских интересов по сравнению с национальными.

Известие о вступлении 6 марта (по новому стилю) 1821 г. отряда этеристов князя Александра Ипсиланти (1792–1828), состоявшего из нескольких сот греков, болгар, албанцев, в Яссы в Молдавии, то есть о начале греческого восстания, Александр I получил уже 9 марта на конгрессе Священного союза в Лайбахе из письма самого генерал-майора и своего бывшего флигель-адъютанта. А. Ипсиланти как руководитель национально-освободительного тайного общества «Филики Этерия», подготовившего восстание, призывал императора стать «освободителем Греции» и просил о военной помощи. Право греческих патриотов на «могущественную поддержку» России давали как справедливый характер отстаиваемого дела, так и христианская вера. И хотя общественное мнение было на стороне греков, этого не произошло. Российское правительство заявило о своем намерении соблюдать нейтралитет в отношении греческих событий, что ослабило позиции восставших. 19 июня 1821 г. армия Ипсиланти была разбита турками, вторгшимися в Дунайские княжества. Командующий революционными силами Олимпиос Георгакис с 350 бойцами попытался прорваться в Грецию, но после многодневного боя они сдались и были уничтожены турками. Однако эти трагические события послужили толчком к революции в самой Греции, начавшейся 25 марта 1821 г. в Морее, а осенью охватившей весь Пелопоннес. 1 января 1822 г. Национальное

собрание провозгласило учреждение республики и полную независимость Греции.

И хотя данная декларация противоречила легитимистским принципам Священного союза, которые запрещали любые политические или территориальные изменения, тем не менее в отличие от других европейских революций Союз не вмешался в греческое дело, чтобы остановить повстанцев. Почему? Ведь новый виток революций в Испании, Португалии, Италии, дестабилизирующих систему европейского равновесия в Европе, все больше превращал Священный союз в важнейший инструмент совместной борьбы монархов с антимонархическими и национально-освободительными движениями. Тревогу вызывало не столько географическое распространение революций, сколько консолидация революционных сил и их идеологическое воздействие на выбор насильственного пути к свободе и независимости. Но только Александр I и К. Меттерних — наиболее авторитетные политики после наполеоновской эпохи усмотрели в Греческом восстании реализацию «грандиозного плана общеевропейского заговора революционеров». При этом российский император, имея два альтернативных пути выхода из создавшейся ситуации — либо помочь единоверцам и тем самым содействовать революции против «законной» власти, либо в общеевропейских интересах предоставить грекам их собственной участи и таким образом стабилизировать социально-политическую обстановку на Балканах, выбрал второй путь, который вполне отвечал политической идеологии Священного союза. Во время Веронского конгресса Священного союза на вопрос полномочного представителя Франции Франсуа Шатобриана о греках Александр I сказал: «Ничто, казалось бы, не могло более быть в интересах моего народа, в соответствии с мнением моей страны, чем религиозная война против Турции, но я заметил в волнениях, которые происходили в Пелопоннесе, знак революции. Итак, я остался в стороне».

И все же следует признать, что политика Александра I в отношении «греческого вопроса» носила нестабильный, прагматический характер,

связанный как с революциями, так и с «натиском» Европы. Колебания в русской политике первых трех лет Греческой революции были обусловлены не столько монархическими принципами Александра I, сколько общим отпором ведущих европейских держав действиям России, направленным на утверждение своего влияния в Греции и в целом на Балканах. В международной обстановке, когда Англия, Франция, Австрия, а за ними Пруссия противодействовали российской восточной политике, русская дипломатия не могла действовать решительно. Помимо этого война с Турцией из-за «мятежных греков» означала нанести удар по легитимистским принципам Священного союза. Именно в силу этих обстоятельств Александр I торжественно и громко возвестил, что отказывается помогать восставшим и осуждает их действия. В ответном письме А. Ипсиланти от 26 марта 1821 г., составленном греческим патриотом, статс-секретарем российского Министерства иностранных дел Иоанном Каподистрия от имени императора, хотя и подтверждалось право греков на освобождение от турецкого владычества, но отвергались насильственные, революционные методы его достижения.

Но вскоре константинопольская резня и погромы православного населения, а также зверское убийство 22 апреля 1821 г. патриарха Григория V и всего Синода греческой Константинопольской церкви дали веский аргумент для решительных действий, способствовали радикализации российской политики. Через посла в Константинополе Григория Александровича Строганова Александр I послал ультиматум Порте. 4 июля император заявил европейским дворам, что уничтожение христианского народа и свобода греков — это общеевропейская проблема. 8 августа российское посольство покинуло турецкую столицу, дипломатические отношения между Россией и Турцией были прерваны. При этом Александр I рассчитывал, что секретные протоколы конгрессов Священного союза в Ахене и Троппау-Лайбахе обеспечат общую санкцию европейских стран — субъектов союзных отношений на войну России против Турции. Но он ее

не получил. И позже, вплоть до 1824 г., не выходя из рамок Священного союза, Россия надеялась получить мандат его членов на военное решение от имени Союза греческого вопроса. Однако этого не произошло. И это понятно. Пытаясь сдерживать усиление российского влияния на Балканах, правительства ведущих морских держав опасались появления независимого греческого государства и стремились сохранить *status quo*. Наиболее враждебно к восстанию в Греции относилась Австрия, которая только что, 23 марта и 18 апреля 1821 г., подавила восстания в Неаполе и Пьемонте и не была заинтересована в возникновении аналогичных движений среди своих славянских подданных.

Франция при сохранении приверженности принципам Священного союза и участия в противодействии революционным движениям вначале заняла двусмысленную позицию, не призывая к подавлению Греческой революции и не выступая за войну с Турцией. Безусловно, на первом этапе освободительной войны она была озабочена подавлением революции в соседней Испании, на что получила мандат Священного союза. 19 ноября 1822 г. на Веронском конгрессе Россия, Франция, Австрия и Пруссия подписали договор, предрешивший судьбу Испанской революции. 7 апреля 1823 г. «заслугами» Шатобриана сотысячная французская армия начала интервенцию Испании. Что же касается Греции, то, надо думать, для всей Европы она являлась колыбелью западной цивилизации, парижский кабинет считал греков прежде всего христианами, а их борьбу против турок рассматривал как новый крестовый поход. Поэтому неудивительно, что со второй половины 1820-х гг. Франция стала помогать революционной Греции, субсидировала ее армию.

Не входящая формально в Священный союз Англия на первом этапе Греческой революции также считала для себя невыгодным появление независимой Греции, что могло привести к доминированию России в регионе Восточного Средиземноморья и усилению торговой конкуренции греков. Для контроля над ним она старалась связать внешнеполитические инициативы

России со своим курсом. Поэтому на предложение Александра I о военной помощи греческим патриотам министр иностранных дел Дж. Каннинг, выражая точку зрения главных членов Союза, указывал, что «предполагаемое русское вмешательство между Турцией и Грецией противоречит союзным принципам». Когда же пришло осознание необратимости освободительного процесса под давлением филэллинизма европейского общественного мнения, Лондон признал греков воюющей стороной. С 1824 г. Англия стала оказывать помощь грекам, в наибольших масштабах субсидировала и контролировала греческий флот.

Между тем постепенная утрата социально-экономического и торгового влияния России на Балканах, геноцид христиан, усиление негативного отношения российского общества к восточной политике заставили Александра I активизировать решение «греческого дела». 9 января 1824 г. союзным дворам была разослана «Записка об умиротворении Греции» (*Mémoire sur la pacification de la Grèce*), так называемый «Мемуар», который стал первым конкретным планом решения греческого вопроса. В документе от имени Александра I, стремившегося соединить российские и общеевропейские интересы, подчеркивалось, что Греческая революция может иметь два исхода: или Греция сохранит «своеобразную независимость», которую она уже обрела, или будет «покорена силой турецкого оружия». В этой ситуации Александр I, отвергая реализацию обоих исходов и подчеркивая необходимость установления мира с удовлетворением интересов как греческой, так и турецкой стороны, предлагал компромиссное решение «греческого вопроса». Поскольку турки, по его мнению, никогда не признавали и не признают в каком-либо формате политическую независимость Греции, он считал, что на данном этапе возможен только «промежуточный вариант греческой независимости». План Александра I предполагал разделить материковую Грецию на три самоуправляющихся княжества, подобно Дунайским, при сохранении сюзеренитета Порты над греческой территорией с уплатой ей ежегодно

дани. Не зависящие от Турции в своей торговой деятельности и внутреннем управлении княжества должны были находиться под защитой международного права. В разъяснительных письмах европейским правительствам указывалась настоятельная необходимость принять предложения России и признать возможными «совместные демарши, имеющие целью заставить турецкое правительство согласиться с принципами коллективного вмешательства в дела Греции». Однако бесплодные переговоры на Петербургской конференции с февраля по апрель 1825 г. послов Франции, Австрии и Пруссии (Англия отказалась участвовать), которые, вероятно, получили инструкции лишь затягивать дело, продемонстрировали: 1) крах императорской утопии «объединенной Европы», 2) кризис Священного союза, 3) нежелание европейских кабинетов создать греческую государственность «руками» России. В результате Александр I отказался от общеевропейской политики. В инструкции российским послам от 14 августа 1825 г. объявлялось о прекращении обсуждения с правительствами «греческого вопроса» и подчеркивалось, что Россия более не станет обращаться «к совету Европы», а будет действовать в соответствии только с национальными интересами. Начались прямые переговоры с Портой.

Но, разорвав узы Священного союза, Александр I вскоре пришел к убеждению, что Российская империя не может действовать самостоятельно. Это обусловило сепаратные переговоры по греческому вопросу летом 1825 г. с новым послом лордом А. Стрэнгфордом и сближение с Англией. Однако постоянные колебания и уклончивость Александра I, который, как подчеркивал Н.К. Шильдер, «поступал согласно усвоенному им в решительные минуты образу действий: оставлять многое в сомнении, в неопределенности, а затем внезапным решением в противоположном духе и направлении приводить всех в недоумение», затягивали решение вопроса об освобождении Греции. Осенью 1825 г. турками была отвоевана большая часть Пелопоннеса и вскоре взяты Афины. И только в царствование

Николая I российская политика в отношении Греции приобрела устойчивый самостоятельный характер и была направлена на создание независимой греческой государственности.

НИКОЛАЕВСКАЯ РОССИЯ В БОРЬБЕ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ ГРЕЦИИ

25 марта 2021 г. Греция и Россия отметили 200-летие начала Греческой национально-освободительной революции 1821–1829 гг., которая привела к созданию независимого Греческого государства. Россию и Грецию по-прежнему соединяют уходящие в глубь веков исторические, общекультурные и человеческие связи. Также остаются актуальными и задачи сохранения исторической памяти в изучении общего прошлого наших стран.

В интервью, опубликованном в «Парламентской газете» 25 марта 2021 г., Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ в Греции Андрей Михайлович Маслов, в частности, сказал: «Освобождение Греции от османского владычества — одна из самых славных страниц нашей общей истории. Большинство греков связывают именно с Россией обретение их родиной независимости и становление современного греческого государства. Об этом свидетельствуют проводимые тут социологические опросы». Результаты опроса, проведенного накануне юбилейной даты, зафиксировали, что относительно позитивного вклада великих держав в решение греческого вопроса во время революции лидирующие позиции по-прежнему занимает Россия (38,2%), за ней следуют Франция (22,6%), Великобритания (19,4%), Австрия (5%) и США (1,2%). Значительная роль России в освобождении Греции наиболее полно проанализирована и раскрыта в исследованиях Г.Л. Арша (1976, 2013 и др. публикации), статье А.Л. Нарочницкого (1980), монографии Ольги Шпаро (1965), но практически она отмечается всеми российскими исследователями.

К сожалению, в современной информационной войне, оказавшей влияние и на исторические исследования, наметилась тенденция к пересмотру устоявшихся в греческой историографии представлений о роли России в истории Греции. Франция и Англия, как союзники Греции по

Европейскому союзу и НАТО, стали намного ближе, чем Россия. Этот тренд нашел отражение в новом поколении греческих школьных учебников по истории, созданных в 2018 г. под эгидой Евросоюза и на 75 % им профинансированных, которые должны были отвечать соответствующим критериям. Имидж России в современных учебниках, что отмечают российские специалисты, занимающиеся историей Греции и российско-греческими отношениями, теряет черты привлекательности, роль России замалчивается или принижается.

Греческая революция 1821 г. стала катализатором Восточного кризиса, в который были вовлечены ведущие европейские страны, составлявшие «концерт» европейских держав. Александр I не мог хотя бы временно не присоединиться к осуждению греческого восстания как составной части революционных движений в Европе в начале 1820-х гг. Под влиянием революционного движения в Европе на конгрессе Священного союза в Лайбахе (Любляна) в циркуляре от имени России, Австрии и Пруссии содержалось порицание Греческой революции (14 декабря 1822 г.).

В последние годы царствования Александра I крах императорской утопии «объединенной Европы» и кризис Священного союза обусловили изменение позиции Российской империи в вопросе о независимости Греции. Это привело к появлению первого документа об автономии Греции — «Записки российского правительства правительствам Австрии, Великобритании, Пруссии и Франции» от 9 (21) января 1824 г., так называемая «Записка об умиротворении Греции» (*Mémoire sur la pacification de la Grèce*), в соответствии с которым на территории Греции предполагалось создать три вассальных по отношению к Турции княжества. Совещания по выдвинутым Россией предложениям проходили в Санкт-Петербурге с февраля по апрель 1825 г. Но они не привели к желаемому результату, так как не смогли устроить ни Турцию, ни греков.

О кончине Александра I в Таганроге 19 ноября (1 декабря) 1825 г. в Лондоне узнали 6 (18) декабря. О взглядах и намерениях вступившего на

престол Николая I современники могли только гадать. Молодой император торжественно заявил на первом приеме иностранных дипломатов, что считает себя солидарным со своим предшественником относительно Османской империи и что он намерен просто «*продолжать*» политику Александра. Но он прибавил не без остроумия, что «не хочет *повторять ее с самого начала*». Николай I выразил также готовность в случае необходимости действовать без оглядки на европейские страны. 23 марта (4 апреля) 1826 г. был заключен Петербургский протокол или Протокол 4 апреля между Россией и Англией, подписанный А.У. Веллингтоном, К.В. Нессельроде и Х.А. Ливеном об «умиротворении Греции». Это был первый подписанный европейский акт в отношении событий в Греции, которые отныне ставились под контроль двух держав. На совместную ноту европейских держав (России, Англии, Франции и Пруссии) с предложением мер по умиротворению Греции от 28 мая (9 июня) 1827 г. Порты ответила отказом.

Предполагая отрицательный ответ, Россия подготовила эскадру для действий в греческих водах. 29 мая (10 июня) 1827 г. Николай I с семьей в сопровождении И.И. Дибича, А.С. Меншикова, начальника Морского штаба А.В. фон Моллера посетил 74-пушечный флагманский корабль «Азов», на котором подняли императорский штандарт. 9 (21) июня эскадра Д.Н. Сенявина, провожаемая Николаем I, вышла в море. Она состояла из 20 вымпелов (9 линейных кораблей, 8 фрегатов, 2 корвета и 1 бриг). В Портсмуте из ее состава был выделен отряд под командованием контр-адмирала графа Логина (Логгина) Петровича Гейдена, которому уже приходилось бывать в греческих водах в 1799–1800 году. В эскадре Л.П. Гейдена было 9 вымпелов. Эскадре первоначально предписывалась охрана торгового мореплавания в связи с активизацией пиратства.

24 июня (6 июля) 1827 г. была заключена Лондонская конвенция России, Англии и Франции по греческому вопросу, которая предопределила совместные действия России, Англии и Франции по «принуждению» Турции

к миру. В докладе министра иностранных дел К.В. Нессельроде Николаю I от 11 (23) сентября 1827 г., в частности, предусматривалась блокада континентальной Греции и прилегающих островов Архипелага.

Усилившиеся противоречия между союзниками попыталась использовать Порты, активно использующая тезис, что, якобы, именно Россия организовала в 1821 г. восстание греков. Желание отстранить Россию от решения греческого вопроса у европейских кабинетов только усилилось: «Англия, Франция и Турция выказывают одно и то же мнение, — докладывал Нессельроде императору в декабре 1828 г. — отстранить нас от греческих дел, учредить арбитраж в виде посредничества, дабы восстановить мир и продиктовать нам его условия». Анализируя уходящий год, К.В. Нессельроде в записке, представленной Николаю I 20 декабря 1827 г. (1 января 1828 г.), предполагал начало военных действий с Турцией, но Турция, где только недавно был уничтожен янычарский корпус, к войне была неготова. В записке делался вывод, что «цель войны, которую Россия намерена вскоре объявить Порте, должна состоять не в сокрушении Оттоманской империи, а всего лишь в выполнении Лондонского договора и сохранении важных преимуществ, обеспечиваемых ею Аккерманской конвенцией» (по русско-турецким соглашениям).

Тем временем Николай I пригласил в Санкт-Петербург И.А. Каподистрию, что совпадало и с намерениями графа. Позднее, 9 (21) июля 1827 г., К.В. Нессельроде сообщал послу в Лондоне Х.А. Ливену и послу в Париже К.О. Поццо-ди-Борго об обстоятельствах его избрания: «12 (24) мая г-н граф Каподистрия прибыл в С.-Петербург с намерением, которое было заранее одобрено императором, обсудить с е. и. в-вом то положение, в котором он находился, начиная с 1822 г. За несколько дней до его приезда мы получили из Константинополя первое известие о том, что он избран на пост президента Греции, но, когда мы имели удовольствие снова увидеть его здесь, он еще не знал о состоявшемся избрании. Император в то время отсутствовал, находясь на маневрах в Вязьме. Сразу же по возвращении е. в-во принял графа

Каподистрию со всей той благосклонностью, какую он заслужил». Находясь в Петербурге, 22 июня (4 июля) 1827 г. Каподистрия по поручению императора (формально еще на службе в российском МИДе) представил «Записку о восточных делах», в которой указывалось, что переговоры как средство примирения с Портою полностью исчерпаны. Каподистрия убеждал Николая I не направлять его в Грецию, как специального представителя России, а дать возможность занять пост, на который он избран. 1 (13) июля 1827 г. Каподистрия получил официальную отставку и через Англию отправился в Грецию.

Особое внимание российская дипломатия уделяла борьбе за наиболее благоприятные для Греции государственные границы, взяв за основу разграничение, которое было намечено Константинопольской конференцией 23 августа (4 сентября) 1827 г. Английская дипломатия боролась за то, чтобы новое православное государство не имело слишком большой территории. Максимум, что удалось добиться российской дипломатии, — это установление границы по линии от Артского (Амбракийского) залива в Ионическом море до Волосского (Пагатитского) залива. В первоначальном постановлении даже частью южнее, чтобы территория Греции не приблизилась к Ионическим островам, которые Англия контролировала с 1815 г. (по 1864-й), а из островов в состав нового государства предлагалось включить только прилегающий Кикладский архипелаг. Это было значительно меньше освобожденной греками территории (примерно $\frac{1}{4}$ современной Греции). Борьба за воссоединение с другими регионами, населенными греками, продолжалась затем многие годы.

После заготовки провизии и воды эскадра Л.П. Гейдена покинула Портсмут 8 (20) августа и присоединилась к эскадрам союзников у Наварина, в удобной бухте которого дислоцировалась турецко-египетская эскадра. Общее командование было у старшего по чину вице-адмирала Эдварда Кодрингтона, французской эскадрой командовал контр-адмирал де А. Риньи, русской — контр-адмирал Л.П. Гейден. Им была поставлена задача

препятствовать перевозке войск и каким-либо действиям этих войск на побережье. Ход и результаты Наваринского сражения хорошо изучены и, в частности, изложены в монографии Г.А. Гребенщиковой. 6 (18) октября 1827 г., когда задул свежий ветер, союзные суда в количестве 26 вымпелов начали продвижение в бухту с целью блокировать османский флот. Флагманом русской эскадры «Азов», где держал флаг Л.П. Гейден, командовал капитан 1 ранга М.П. Лазарев. На этом корабле служили будущие адмиралы, герои Севастопольской обороны в Крымскую войну: лейтенант В.А. Корнилов, мичман П.С. Нахимов и гардемарин В.И. Истомин. Из всей союзной эскадры «Азов» особенно отличился в бою, потопив два фрегата, один корвет. Он также поджег 60-пушечный фрегат под флагом Тахир-паши, заставил выброситься на мель 80-пушечный корабль, а затем вместе с англичанами уничтожил турецкий флагман Мухарем-бея. Сражение продолжалось почти четыре часа. Во всеподданнейшем рапорте Л.П. Гейдена было сказано: «Взорвано и пущено ко дну 70 военных судов и 8 транспортов». Потери противника составили от 6 тыс. до 8 тыс. человек убитыми и утонувшими. Русские корабли оставались в Наварине до 13 (25) октября, приводя все в порядок, затем выполняли различные задания в Средиземноморье, в том числе по защите греческого населения, базируясь на Мальте. Победа в Наваринском сражении вызвала раздражение в правящих кругах Англии, но общественность России и Франции ее приветствовала. Как отметила А.Д. Блудова, «французы придумали новый модный цвет красновато-серый и назвали его «*fumée de Navarin*» (Наваринский дым)». Он был популярен и в России. Главный герой «Мертвых душ» Н.В. Гоголя (1835 г.) Чичиков имел костюм из сукна цвета «наваринского дыму с пламенем».

Россия в лице Николая I оказала финансовую помощь Каподистрии сразу и безвозмездно, когда общей договоренности с Англией и Францией еще не было. Так, 15 (27) июля 1827 г. управляющий министерством иностранных дел К.В. Нессельроде сообщил по секрету послу в Лондоне Х.А. Ливену:

«Князь. В приложении к сему Вы найдете два письма г-на министра финансов; одно из них адресовано лично вашей светлости, другое — гг. Харман и К°. Г-н генерал-лейтенант Канкрин извещает этих банкиров о том, что на Ваше имя в их банке открыт кредит на сумму в 1 млн руб. банковскими ассигнациями. Император предоставляет эту сумму в полное распоряжение г-на графа Каподистрии, который употребит ее, смотря по обстоятельствам и так, как сочтет наиболее подходящим и сообразным с намерением е.и. в-ва. Поэтому соблаговолите князь использовать Ваш кредит в банке Харман для всех выплат, о которых попросит Вас граф Каподистрия, в пределах 1 млн руб. и улаживать с ним все вопросы, связанные с требованиями подобного рода, с коими он станет к Вам обращаться. Крайне важно, чтобы истинное назначение этой суммы и ее использование, на которое уполномочен г-н граф Каподистрия, хранились в полной тайне. Ваша светлость, примите поэтому все надлежащие меры предосторожности, дабы гг. Харман сами были твердо убеждены и убеждали других, что кредит, открытый Вам в их банке, имеет единственной целью покрыть часть расходов, связанных с отправкой нашей эскадры в воды Архипелага. Такое объяснение столь просто и правдоподобно, что не сможет возбудить никаких подозрений. Осмелюсь, кроме того, просить Вас сохранить настоящее письмо у себя и не сдавать его в архив канцелярии посольства».

В письме от 17 (29) апреля вице-канцлер К.В. Нессельроде сообщал послу в Лондоне Х.Ф. Ливену: «Посему император посылает ему сумму в 1 500 000, которая удовлетворит в течение трех месяцев потребность правительства в Эгине». Конкретно векселя на сумму в 1 500 000 руб., составляющие субсидию, передавались через посредничество вице-адмирала, о чем он был уведомлен 18 (30) апреля 1828 г. В феврале 1829 г. Николай I поддержал обращение И.А. Каподистрии о займе, обратившегося к кабинетам Лондона и Парижа. К.В. Нессельроде 31 марта 1829 г. сообщал консулу М.Н. Булгари о выделении 1 млн рублей, кроме того, «движимый

великодушной заботой о благосостоянии Греции» дал указания послам в Париже и Лондоне добиваться выделения кредита для Греции в размере 60 млн под общей гарантией. Не дожидаясь предоставления займов союзниками, по распоряжению Николая I, на французском корвете «Элле» было доставлено в Наполи-ди-Романью (Нафплион) и передано 30 июля 1830 г. на корабль «Александр Невский» 500 000 франков, присланных «в зачет займа, который должен состояться под ручательством союзных держав». Кроме того, постоянные вспомоществования оказывались греческому населению в течение всех лет войны и после нее русскими дипломатическими и консульскими агентами, в том числе из тех сумм, которые передавались им по распоряжению Николая I. Так, о получении 8 векселей на 77 178 рублей сообщал И.А. Каподистрия агенту В.Н. Панину в письме от 22 апреля (4 мая) 1830 г.

По данным О.В. Василенко, автора вступительной статьи к публикации документов о финансовой помощи России Греции в период с 1827 по 1830 г. общая материальная помощь России составила 3,5 млн франков. Можно предположить, примерно по вексельному курсу того времени, это составляло более 12 млн руб. серебром. Но это не считая сумм, предоставленных русской православной церковью, и общественных сборов. Еще 200 тыс. рублей было пожертвовано императрицей Александрой Федоровной. Не вся помощь отражалась в документах. Так, в Бессарабии три тайных организации собирали деньги, заготавливали оружие, вербовали добровольцев.

Финансовая помощь России еще до официальных денежных переводов греческому правительству была обращена непосредственно на самих греков, как для выкупа из рабства, так и на беженцев в России. В начале XIX в. поток переселенцев и беженцев в Россию (особенно болгар и греков) увеличился, их благоустройство было вменено в обязанность учрежденной в 1800 г. Конторе опекунов Новороссийского края. С началом восстания в Греции России в больших масштабах пришлось заниматься оказанием помощи и поселением беженцев на Юге России, а также выкупом пленных. Еще

в 1821 г. на выкуп пленных греков российское правительство выделило 520 тыс. рублей. В июле 1821 г. был официально объявлен сбор пожертвований в пользу греческих беженцев. В 1823 г. в России была объявлена подписка на сбор средств для выкупа пленными повстанцев. В Одессе действовала специальная комиссия по оказанию помощи. Сбор денежных средств не прекращался и все последующие годы. Эта политика была продолжена и при Николае I. В 1826 г. по его распоряжению были выделены 10 тыс. рублей ассигнациями на выкуп пленными греков из разоренного города Миссолунги, которые продавались «за самую низкую цену» на рынках городов Превезы и Арты. Деньги были переведены консульствам, находившимся вблизи территориальной Греции — российским консулам в Венеции Наранци и на Ионических островах (о. Корфу) Папандопуло.

Как свидетельствуют документы РГИА, по всем ведомствам собирались деньги в пользу греков и выкупа их из рабства, а также для оказания материальной помощи греческим беженцам, в значительном количестве появившимся в южных губерниях России. В докладе управляющего министерством иностранных дел К.В. Нессельроде Николаю I от 31 декабря 1827 г. (12 января 1828 г.) содержалось ходатайство об ассигновании новых денежных средств кассам, учрежденным в Одессе и Кишиневе для оказания помощи греческим беженцам. Ранее, в 1821 и 1822 гг. на эти цели было ассигновано 150 тыс. рублей из государственной казны и еще 360 тыс. рублей благодаря подписке. В конце 1824 г. еще 250 тыс. рублей через М.С. Воронцова Александр I выделил для выкупа греческих пленников с Хиоса. Греческим беженцам оказывалась помощь по административной линии, в частности, казенные палаты южных губерний (из общих губернских доходов). Кроме того, по всем ведомствам и губерниям собирались пожертвования, в чем принимали участие даже крестьяне.

Крупнейшим российским предпринимателем и меценатом греческого происхождения был Иван Андреевич Варваций (по уточненным данным, 1753 — декабрь 1825 г.), уроженец острова Псаро, которого на родине звали

Иоаннис Леонтидис по прозвищу Варвакис («владеющий силой» или «пользующийся влиянием»). По данным исследователя Е. Карновича, Варвакий пожертвовал в общественную пользу в России до 3,5 млн рублей и до 1,5 млн рублей — в пользу Греции. Перед смертью он завещал Греции весь свой оставшийся капитал 1 млн 400 тыс. рублей. Он был похоронен 12 января 1825 г. Позднее, в Афинах ему был открыт памятник, выполненный скульптором Леонидом Дросси из белого мрамора.

В это время в Европе и Северной Америке широкое распространение получило филэллинское движение, начинавшееся как мода на античность, увлечение древнегреческой культурой, путешествиям к античным памятникам Греции. Идеи филэллинизма культивировались и среди образованной части греков в Европе. После начала восстания в Греции филэллинское движение оказывало поддержку грекам. Общественное мнение разных стран далеко не всегда совпадало с позицией правительств, но, как правило, все же зависело от этого. Среди наиболее известных своими симпатиями к грекам — филэллины Байрон, Вильгельм Мюллер, король Людовик I Баварский. Общее количество добровольцев из Европы подсчитать невозможно. Было много греков-эмигрантов и греков с Ионических островов. Английский исследователь У. Сент-Клэр приводит цифру в 940 волонтеров-филэллинов из Европы: 342 немца, 196 французов, 137 итальянцев, 99 британцев, 35 швейцарцев, 30 поляков. Известно об участии в битве при Пете (1822 г.) 13 польских добровольцев. Были небольшие группы голландцев, бельгийцев, испанцев, португальцев, шведов, датчан, венгров, американцев и др.

Во время начала революции в Дунайских княжествах в отряде Александра Ипсиланти, не превышавшем 6 тыс. чел., были русские подданные из числа греков и русских, в том числе офицеров, а также немного болгар и албанцев из числа турецких подданных (об этом было выше). В 1821 г. в Греческом восстании различное участие приняла часть монахов афонских монастырей. Известные факты о русских волонтерах на

территории самой Греции немногочисленны. Возможно, это было связано с неодобрением официальных властей такой инициативы, что могло быть воспринято как вмешательство России во внутренние дела Турции, что и так было постоянным поводом обвинения России со стороны Порты. Кроме того, это воспринималось как проявление своеволия и приверженности революционным настроениям. Да и добраться до Греции было сложно. В одной из статей Г.Л. Арша на основе архивных документов приводятся имена русских филэллинов-добровольцев, сражавшихся в армии Ипсиланти в Дунайских княжествах: штабс-капитан Архип Куликовский, поручик Василий Султанов, штабс-капитан Анфилой Костин. В самой Греции мастер по строительству брандеров Иван Афанасьев изготовил пять таких судов для поджога кораблей противника. Он лично участвовал во время боя у острова Лесбос 7(19) июля 1821 г. в уничтожении 74-пушечного турецкого корабля. Алексей Протопопов служил в чине лейтенанта в кавалерии и принимал активное участие в боях на Хиосе в конце 1827 — начале 1828 г. Список русских филэллинов в Греции постепенно пополняется, но наиболее известным и успешным участником революции в Греции остается Николай Алексеевич Райко (1794 — 12 января 1854) — внебрачный сын Алексея Григорьевича Бобринского, который, в свою очередь, был внебрачным сыном Екатерины II и Григория Орлова. То есть Райко был их внуком, а Александру I приходился двоюродным братом. В 1834 г. он вышел в отставку и поселился в Одессе. Там занялся шелководством, много сделав для развития этой отрасли в Новороссии. Посмертно в журнале «Русский архив» в 1869 г. была опубликована его «Записка об убиении Каподистрии».

Через два месяца после окончания войны с Персией 14 (26) апреля 1828 г. Николай I подписал высочайший манифест «Об открытии войны с Оттоманскою Портою». В то же время из Балтики в Средиземноморье в июне 1828 г. была отправлена вторая русская эскадра под командованием контр-адмирала Петра Ивановича Рикорда. Выход из Кронштадта состоялся 15 июня. В его составе были корабли: «Фершампенуаз» (84 пушки), «Царь

Константин» (74 пушки), «Князь Владимир» (74 пушки), «Эммануил» (64 пушки) и три фрегата: «Мария» (44 пушки), «Ольга» (44 пушки), «Александра» (44 пушки). Общая численность экипажей составляла 3 462 человека. 25 сентября все суда эскадры соединились в порту Ла-Валлетте на Мальте. П.И. Рикорду предстояло выделить в октябре несколько кораблей для блокады Дарданелл, чтобы воспрепятствовать подвозу продовольствия в Константинополь.

Успехи русского оружия в войне сыграли решающую роль в обретении в конечном счете признания сначала автономии, а потом и независимости Греции. Этот факт признавал даже известный своей русофобией, но разбирающийся в военном деле Фридрих Энгельс. В статье, опубликованной в апреле 1853 г. в Нью-Йорке, он писал: «А кто решил исход борьбы во время греческого восстания? Не янинский паша Али со всеми его заговорами и мятежами, не битва при Наварине, не французская армия в Морее, не лондонские конференции и протоколы, а русская армия Дибича, перешедшая Балканы и вступившая в долину Марицы». Утром 2 (14) сентября 1829 г. в султанском дворце Эски-Сарае в Адрианополе был заключен Адрианопольский трактат.

Русско-турецкая война 1828–1829 гг. была тяжелым бременем для России, хотя основные потери были не боевые, а от болезней и эпидемий, сначала в 1828 г. холеры, потом, с весны 1829 г. — чумы. Практически каждый солдат дважды побывал в лазарете. В целом только на Балканском театре военных действий армия потеряла около 22 тыс. чел. из 113 тыс., то есть, около 19 %. Были потери и на Кавказском театре. В целом потери России оцениваются в 80 тыс. чел., а потери турок от 138 тыс. до 174 тыс. чел. Война обошлась России в 120 млн. рублей. Наряду с Ункяр-Эскелессийским договором о дружбе и союзе с Турцией 1833 г., Адрианопольский мир 1829 г. был одним из апогеев влияния России в Восточном вопросе, не случайно Николай I считал Адрианопольский мир «...самым славным из всех когда-либо заключенных». Греция в договоре

формально не упоминалась. Вопрос о Греции был упрятан в статью X, где речь шла и признании Портой Лондонского протокола от 24 июня (6 июля) 1827 г., содержащего это положение.

Дипломатическая дуэль во время Русско-турецкой войны не прекращалась, и даже в армии находились дипломатические представители европейских держав. В соответствии с достигнутыми договоренностями греческое государство должно было включать в себя Морею, Киклады и континентальную Грецию вплоть до линии от Артского (Амбракийского) залива в Ионическом море до Волосского (Пагатитского) залива. Согласились с тем, что Греция должна была стать конституционной монархией и управляться христианским монархом, не находящимся в родстве с правящими дворами Англии, России и Франции. На первый раз глава этого государств назначался с согласия Порты тремя союзными державами; Греция обязывалась платить султану ежегодную дань в размере полутора миллионов пиастров и вознаградить турецких собственников за их недвижимость, причем сами они должны были покинуть ее территорию.

Лондонская конференция, снова открывшая свои заседания в октябре 1829 г., рассматривала изменение статуса Греции (не автономия, а независимость). Русский кабинет выразил желание, чтобы территория Греции была увеличена, но Великобритания не согласилась на это. Она опасалась, что это еще более ослабит Турцию и создаст затруднения для Англии, боявшейся потерять Ионические острова. Было решено, что Греция будет состоять только из полуострова Мореи, Кикладских островов и земель, расположенных между устьями рек Сперхия и Аспропотамоса (Акарнания не вошла в состав Греции). За пределами Греции остались не только самые крупные острова (Крит, Кипр и Самос), но также Этолия и Фессалия. Английская сторона добилась даже изменений в ранее согласованной границе по линии Арта — Воло за счет исключения ряда плодородных земель на материке. Все эти постановления вошли в протоколы, подписанные державами 22 января (3 февраля) 1830 г. России пришлось пойти на уступки,

признав английский вариант границ, исключив Акарнанию, которая по протоколу от 10 (22) марта входила в состав Греции.

Разгром Османской империи, заключение Адрианопольского договора и тяжесть контрибуции заставили Порту быть более сговорчивой в предоставлении Греции автономии. Реализация мирного договора во многом зависела от деятельности вернувшегося в Константинополь А.И. Рибопьера, подкрепленного визитом чрезвычайного и полномочного посланника графа А.Ф. Орлова. Турецкая сторона пыталась добиться смягчения договора. Переговоры о снижении контрибуции в случае признания султаном полной независимости Греции предшествовали прибытию в Санкт-Петербург турецкого посольства (январь — май 1830 г.) для обмена ратификационными грамотами о мире.

В начале апреля Николай I согласился снизить контрибуцию на 2 млн дукатов, а находившийся в Константинополе А.Ф. Орлов намекнул о возможности дальнейшего снижения контрибуции еще на 1 млн дукатов в случае предоставления Греции полной независимости. Султан согласился, и по поводу этого миллиона был подписан отдельный акт, не подлежащий оглашению. Была снижена и сумма компенсации за потери русской торговли на 300 тыс. дукатов. Оккупация Дунайских княжеств сохранялась до выплаты контрибуции, но из Болгарии русские войска выводились. 12 (24) апреля 1830 г. Порта присоединилась к решениям протоколов Лондонской конференции о полной независимости Греции, подписанных державами 22 января (3 февраля) 1830 г. Так в Санкт-Петербурге была поставлена точка в признании Турцией независимости Новогреческого государства. Вскоре после этого, 18 (30) июня 1830 г. состоялась официальная передача командования Средиземноморской эскадрой в греческих водах от Л.П. Гейдена П.И. Рикорду. Признательность России и русским морякам отразилась в письме президента (правителя) Греции И.А. Каподистрии графу Л.П. Гейдену от 17 июня 1830 г. Острая внутриполитическая борьба в Греции, в которую вмешивались великие

державы, привела к убийству И.А. Каподистрии 27 сентября (9 октября) 1831 г. В Греции наступило время междоусобиц и тяжелейших испытаний.

В апреле 1832 г. стало известно об избрании королем эллинов семнадцатилетнего баварского принца Фридриха Оттона Виттельсбаха под именем Оттона I, не пользовавшегося популярностью среди греков. Избрание протестантского принца должно было оградить Грецию от влияния русского православного государя. 21 июня 1832 г. в Константинополе был подписан договор, установивший границы Греции. Население Греции в это время составляло около 700 тыс. чел., в 1840 г. достигло 856 470 жителей, а к 1856 г. — 1 043 153 чел. Окончательно политическое устройство Греции завершили статьи Лондонского протокола 18 (30) августа 1832 г.

Подводя итоги, отметим, что политика России в Греческом вопросе (как части Восточного вопроса) имела три этапа. Первый этап при Александре I — отрицательное отношение к восстанию в Греции в духе политики легитимизма официальных властей, что во многом поддерживалось всеми ведущими европейскими державами (1821–1823 гг.). Второй этап — последние два года жизни Александра I после появления «Записки об умиротворении Греции» от 9 (21) января 1824 г., так называемого «Мемуара об умиротворении Греции», когда император, разочаровавшийся в своих союзниках, впервые предъявил по линии внешнеполитического ведомства проект автономной Греции, хотя и ограниченный (1824–1825 гг.). Тем не менее это был первый реальный проект решения греческого вопроса. Третий этап — наиболее решительная позиция России в вопросе предоставления сначала автономии, а затем и полной независимости Греции при Николае I (1826–1830 гг.). Русско-турецкая война 1828–1829 гг. сыграла определяющую роль в решении Греческого вопроса.

МОРСКОЙ КОСТЮМ ЭПОХИ НАВАРИНСКОГО СРАЖЕНИЯ

Морской костюм приобрел привычный для нас облик — «бескозырка белая, в полоску воротник» в промежутке после 40-х и концом 70-х гг. XIX в. Принято считать, что первое изображение такого костюма — портрет сына королевы Виктории принца Эдуарда (1841–1910, будущий король Великобритании Эдуард VII) работы Ф.К. Винтерхальтера¹, поэтому обычно считают, что определяющую роль в этом процессе сыграла Великобритания. Мы полагаем более правильным считать, что в 30–60-е гг. XIX в. законодательницей морской моды была Франция, тогда как Великобритания взяла на себя эту роль лишь в 70–80-е гг. XIX в.

Начнем рассмотрение морского костюма эпохи Наваринского сражения с Франции. В конце 20-х гг. XIX в. одежда матроса все еще была не похожа на привычную людям XX в. Матросский костюм фактически существовал в двух вариантах — один из них представлял собой развитие традиционного матросского костюма XVII–XVIII вв. и окончательно сложился к концу XVIII в. Он состоял из длинных брюк, куртки длиной до талии или чуть ниже (во Франции называвшейся «карманьола»), иногда жилета без рукавов, круглой шляпы с узкими полями. В некоторых случаях этот костюм дополнялся шерстяным кушаком. Иногда вместо куртки и жилета носили белую полотняную рубаху в качестве верхней одежды. Куртку зачастую носили полностью или частично расстегнутой. Широко распространенной была комбинация синей куртки, красного жилета и белых (либо белых в синюю вертикальную полоску) полотняных брюк. Этот вариант костюма не был регламентирован ни в одной стране Европы (кроме Франции) до конца наполеоновских войн и существовал как народный костюм. Вторым вариантом матросского костюма представлял собой строевую форму для ношения на берегу, впервые регламентированную императором Наполеоном около

---

¹ *Винтерхальтер Ф.К.* Принц Уэльский Эдуард в матросском костюме. Х., м. 1847.

1808 г. Этот вариант обмундирования отличался от пехотного лишь двумя особенностями — наличием длинных брюк (вместо коротких штанов с чулками и суконными штиблетами, принятыми во французской сухопутной армии) и отсутствием фалд у мундира фрачного покроя, который таким образом превращался в матросскую куртку. В некоторых случаях матросы также носили высокую черную шляпу с узкими полями вместо принятых в сухопутной армии киверов или касок. Прочие детали матросской формы, введенной Наполеоном, были взяты из арсенала сухопутного военного костюма — снаряжение, эполеты, тесаки, ружья и др. После возвращения к власти Бурбонов строевой вариант матросского мундира менялся в соответствии с переменами военной моды, в частности, гренадерские роты флотских экипажей получили каски с гребнем, тогда как линейные роты продолжали носить матросские шляпы.

В Великобритании матросский костюм не был регламентирован до 1857 г., и британские матросы носили народный вариант костюма. Однако во время наполеоновских войн традиционным стало сочетание синей суконной куртки с белыми полотняными брюками, а также использование наряду с фетровой шляпой летнего варианта, сплетенного из соломки ². В 30–40-е гг. XIX в. постепенно входит в моду шелковая черная лента, повязанная на шляпу, на которой иногда писали золотом название корабля, однако это было инициативой командиров отдельных судов и не было регламентировано.

В России матросы, начиная с 1803 г., носили в строю на берегу классический вариант строевого матросского мундира, состоявшего из куртки без фалд и длинных брюк, но не синего, а темно-зеленого цвета. Такую же куртку носили и на корабле, но большей частью расстегнутую. Специфическим русским головным убором становится бескозырка, изобретенная Александром I в 1811 г. в качестве нестроевого головного убора для всей армии и флота. На флоте в связи с отменой шляп для матросов в 1811 г. из соображений экономии бескозырка стала единственным

---

² *Miller A. Dressed to kill. London, 2007.*

головным убором для всех нижних чинов кроме матросов Гвардейского экипажа, которым полагался кивер. В то время бескозырка не имела ленточки с надписью, на ее околыше указывался номер роты экипажа, в которой служил матрос, тогда как номер экипажа указывался на погонах. Николай I вскоре после вступления на престол заменил двубортные куртки матросов однобортными и ввел кивера, однако последние на кораблях практически не носили. Особенностью строевого снаряжения русских матросов было отсутствие тесака, причем штыковые ножны крепились к патронной суме.

Что касается турецкого флота, то до начала (на рубеже 20–30-х гг. XIX в.) реформ султана Махмуда II (1808–1839) он не являлся регулярным, и разумеется, костюм моряков был народным. Он был близок к европейскому матросскому костюму XVII–XVIII вв., с определенной спецификой. Так, вместо куртки зачастую носили жилет без рукавов (иногда на голое тело), головным убором служила чалма, штаны были короткими (до колена) и с ними могли не носить ни чулок, ни башмаков. Вместо башмаков носили туфли без задников.

Офицерский европейский морской мундир эпохи Наваринского сражения был достаточно одинаковым во всех странах и продиктован влиянием моды. Повсеместно в парадную форму входил мундир фрачного покроя с золотым шитьем и эполетами, двуугольная шляпа и длинные суконные или полотняные брюки. В качестве повседневной формы носили вицмундир (аналогичный парадному, но без шитья) или сюртук, на котором не было шитья и с которым, обычно, не носили эполет. Головным убором при сюртуке служила фуражка с козырьком. Во Франции и Великобритании официально мундир был темно-синего, а в России — темно-зеленого цвета, однако под влиянием моды цвет в некоторых периодах был очень темным, близким к черному. В османском флоте офицеры все еще носили нерегламентированную старинную турецкую одежду — форма европейского типа была впервые введена в начале 30-х гг. XIX в.

КОРАБЛИ — ГЕРОИ СРАЖЕНИЯ ПОД НАВАРИНОМ

8 (20) октября 1827 года вблизи крепости Наварин у юго-западной оконечности полуострова Пелопоннес (Греция) произошло одно из крупнейших морских сражений первой трети XIX века. Эскадры трех союзных держав — России, Англии и Франции уничтожили турецко-египетский флот, лишив тем самым Османскую империю главных морских сил в Эгейском и Средиземном морях. Союзники не потеряли ни одного корабля. Со времени, прошедшего после Первой экспедиции балтийских эскадр в Греческий Архипелаг и сражения в турецкой бухте Чесме (Чешме, Çeşme) в июне 1770 года, поход 1827 года стал третьим в истории Российского флота, и у моряков уже имелся боевой опыт эскадренных переходов вокруг Европы и морских баталий с турецким флотом¹.

Сражение под Наварином стало классикой русского оперативно-тактического искусства эпохи парусного флота. В том сражении победу над сильным противником одержали моряки и морские артиллеристы, которые служили на кораблях, представлявших собой эталоны российской инженерной мысли и кораблестроительной школы. Поэтому задача предлагаемой статьи состоит в том, чтобы рассмотреть некоторые конструктивные особенности кораблей — героев Наварина и сравнить российское кораблестроение с западноевропейским.

К концу XVIII — началу XIX века во флотах ведущих морских держав Европы — Англии, Франции, Испании и Швеции возобладала тенденция к наращиванию числа линейных кораблей 74-пушечного ранга с двумя закрытыми орудийными батареями (двухдечных кораблей) с высоким уровнем боевых возможностей. По массе выбрасываемого металла в снарядах с одного борта и суммарной силе огня бортового залпа корабли, несущие от 70 до 78 орудий, значительно превосходили своих предшественников с 66 орудиями. Такое преимущество наглядно

продемонстрировано в ходе знаменитых морских баталий конца XVIII — первой половины XIX века: в Сент-Винцентском (1797 год) и Трафальгарском (1805 год) сражениях, когда в составе испано-французского и английского флотов находились в основном двухдечные корабли 74-пушечного ранга.

В европейском судостроении с появлением новых инженерных решений корабли с 74 орудиями оказались экономически выгодными в постройке, маневренные, с пропорциональным рангоутом и большей площадью парусности. Эти корабли стояли в боевой линии наряду с самыми мощными в тот период кораблями 100-пушечного ранга — с таким расчетом, чтобы находившиеся в боевом порядке корабли 1-го и 3-го рангов обладали примерно равной остойчивостью, чтобы качка одного не вызывала сильного волнового резонанса у другого, а орудия нижней батареи могли действовать со сбалансированной эффективностью.

74-пушечные корабли представляли собой новые боевые системы, оптимальные и компактные по парусному и артиллерийскому вооружению, способные действовать малыми тактическими группами с 44- или 36-пушечными маневренными фрегатами и успешно выполнять боевые задачи — обороны, нападения, сопровождения транспортных и купеческих конвоев. За счет установки в нижних орудийных палубах (гон-деках) артиллерии главного калибра — 36-фунтовых орудий 74-пушечные корабли отличались высокой огневой плотностью и представляли для неприятеля грозную ударную силу. Указанный крейсерский тандем имел преимущество и в таком важном тактическом элементе как скорость хода, что позволяло настигать неприятельские суда и сосредоточенным огнем корабельной артиллерии поражать даже превосходящего в силах противника ⁱⁱ.

Россия как великая морская держава также стремилась соответствовать требованиям, предъявляемым к боевым кораблям в период активных операций на море, и при императорах Павле I и Александре I значительное внимание начала уделять совершенствованию 74-пушечных кораблей как

боевому ядру флота. Так, император Павел I в первый же год своего царствования учредил Особый комитет (в документах XVIII века — «Особливый комитет») под председательством наследника цесаревича Александра Павловича. Высочайшую конфирмацию (то есть утверждение) получило январское 1799 года предложение Комитета о повышении ранга боевого ядра флотов, поскольку «ббти пушечные корабли в линии слабы, да и в других уже европейских державах перестают быть употребляемы». По этой причине Комитет постановил оставить кораблей с бб орудиями всего девять «для одних резервных эскадр, а 74х пушечные яко самые лучшие на всякое военное употребление и посылки в отдаленные места» вместо полагавших ранее по штату шестнадцати единиц, построить двадцать семьⁱⁱⁱ.

Таким образом, в отличие от прежних царствований вместо бб-пушечных кораблей, сыгравших решающую роль в битве под Чесмой, реалии судостроительного прогресса диктовали отечественным корабельным мастерам необходимость принятия новых инженерных решений. Так, для уменьшения килевой качки, недопущения рыскливости и увальчивости корабля мастера максимально уменьшали разницу дифферентов на оконечностях и добивались улучшения его остойчивости. Архивные документы сохранили интересные разработки российских мастеров в этом направлении. Например, в ноябре 1799 года сарваер (главный кораблестроитель) Российского флота Александр Семенович Катасанов подал президенту Адмиралтейств-коллегии графу Г.Г. Кушелеву докладную записку, в которой рекомендовал чертеж, выполненный мастером Василием Сарычевым. А.С. Катасанов подчеркивал, что главное достоинство корабля в 76 пушек заключается в удачных обводах корпуса, за счет чего он будет маневреннее и получит преимущество в таком важном тактическом элементе, как скорость хода: «Корпус корабля обещает скорый ход и лучшие извороты». Кроме того, В. Сарычев и А.С. Катасанов выделили три конструктивные особенности будущего корабля: 1) увеличится пространство между пушечными портами, что позволит удобнее действовать орудиями

и добавит свободного места, 2) при хорошей остойчивости корабль «будет иметь возвышенную и сильную батарею, то есть на нижнем деке 36-фн. пушки и тяжелее по соизволению, а на верхнем 24-фн. калибра, которая, находясь на ветре и в самый крепкий ветер надежно на неприятеля действовать может» и 3) корпус корабля будет невысоким, с прямыми штевнями, что позволит избежать валкости, «а передняя часть киля против задней пущена на целый дифферент, то есть на 15ть дюймов глубже». Такая дифферентовка увеличит степень остойчивости и прибавит скорость хода «и не будет нужды уравнивать его к дифференту сильно балластом». Закончил письмо А.С. Катасанов такими словами: «Построенный по сему чертежу корабль обещает всевозможные преимущества и выгоды, какие только военному кораблю свойственны»^{iv}.

В царствование императоров Александра I и Николая I российские корабельные инженеры продолжили совершенствовать свое ремесло и исходя из задач будущей службы корабля добились значительных успехов при проектировании судовых конструкций. Например, в качестве оптимального способа для предотвращения перегиба и противодействия силе сжатия днища стали применять диагональные подкрепляющие связи в трюме и ввели железные «виловатые» кницы вместо деревянных. С помощью книц бимсы крепились к борту, и замена массивных деревянных книц железными значительно облегчало нагрузку. Диагональное крепление в трюмах линейных кораблей состояло из деревянных ридерсов, раскосин и продольных брусьев. Ридерсы, составлявшие главную часть набора, располагались наклонно к вертикально-поперечной плоскости под углом 45° так, что носовые ридерсы были наклонены к корме, а кормовые к носу. Кроме того, было введено медное крепление набора, а четырехугольная (транцевая) корма заменена круглой. Принято считать, что такую систему предложил английский кораблестроитель Р. Сеппингс, а в России ее официально ввели в 1821 году согласно указу Александра I^v.

Изменение архитектурно-конструктивного облика кормы обуславливалось самой службой кораблей и фрегатов. Практика и опыт плавания выявили существенный недостаток транцевой кормы с большим подзором: такая корма оказалась непрочной из-за ее сильного уклона, волновых ударов об нее в фордевинд и других причин. Недостаток такой кормы не позволял размещать кормовые орудия (и соответственно ретирадные порты) так, чтобы сфера обстрела могла охватить максимально широкое пространство. Между крайними направлениями выстрелов из кормовых и бортовых пушек оставались большие углы, так называемые мертвые углы. Корабли противника, находившиеся в этой зоне, оставались неуязвимыми и своими выстрелами наносили повреждения неприятелю. Проектирование верхней кормовой части круглой формы и уменьшение уклона кормы решило проблему мертвых углов. В результате корабль получил важные преимущества: увеличилась прочность самой кормы, уменьшилась кормовая нагрузка, особенно при килевой качке, и увеличился сектор обстрела при действии кормовыми пушками.

В начале 1820-х годов в России так же, как и во флотах ведущих морских держав, ввели другие важные новшества: железные цепные канаты вместо пеньковых, железные цистерны для воды, медные емкости для хранения пороха, железные камбузы вместо кирпичных печей, каменный балласт заменили чугуном, что защитило набор от гнили и освободило место в трюме, ввели на судах громоотводы. Произошла также унификация в покраске корпусов. Например, прежде чем красить черной краской бархоуты, их сначала «покрывали сажей на олифе и сажей со смолой». Бимсы вначале грунтовали смолой, а потом уже красили белилами, сетки и шканцы корабля перед покраской «грунтовали под зеленую краску».

В первой половине XIX века на кораблях I и II рангов проводили золочение — в основном золотили кормовую резьбу и бортовые штульцы, а после 1829 года и двуглавого орла (его клюв, корону и когти). В 1829 году император Николай I приказал впредь вместо «носовых статуй ставить

орлов», и носовые фигуры заменили двуглавым орлом — в соответствии с единой государственной символикой. Для золочения мастера применяли листовое золото, которое накладывали на заранее подготовленный грунт. В состав такого грунта входили густое конопляное масло и специально приготовленная на охре желтая краска. Листовое золото накладывали только после полного высыхания грунта, причем чистоту золота и наличие в нем примесей определяли самым простым способом — капали на него крепкой водкой хорошего качества. Если на этом месте сразу появлялось зеленое пятно, то это означало присутствие в золоте примеси.

Итак, что же представляли собой корабли — герои сражения под Наварином? В архивном делопроизводстве сохранились документы, сформированные под заголовком «О постройке в Главном Адмиралтействе 80 пушечного корабля *Гангут* по методу Сеппингса». Начиналось дело 24 января 1821 года — после того, как последовал указ Александра I директору российского кораблестроения Ле Брюну Сент Катарине о закладке на Адмиралтейских верфях 80-пушечного корабля; разработку чертежей и постройку корабля Ле Брюн поручил мастеру И. Курепанову^{vi}. Приступая к выполнению задания, Иван Курепанов для минимизации временных затрат планировал строить «по прежнему сего ранга чертежу» корабля «Эмгейтен», заложенного двумя месяцами ранее, но после высочайшего санкционирования на российских верфях системы главного королевского кораблестроителя Р. Сеппингса Ле Брюн поручил Курепанову подготовить новый проект. В августе 1821 года Курепанов представил в Исполнительную экспедицию чертеж 80-пушечного корабля, «предположенного построить в Главном Адмиралтействе по методе сарваера английского флота Сеппингса»^{vii}. 14 июля 1822 года Адмиралтейств-коллегия получила указ: «Государь Император высочайше повелеть соизволил вновь предпологаемому к закладке в Главном Адмиралтействе 80 пушечному кораблю называться *Гангутом*»^{viii}. Его закладка состоялась 8 августа 1822 года, в тот же день после спуска на воду корабля «Эмгейтен». «Гангут» получил

наименование в честь блестящей морской победы на Балтике над шведами при Петре Великом и стал первым кораблем, построенным в Главном Адмиралтействе Санкт-Петербурга по новым технологиям. Однако «метода сарваера английского флота Сеппингса» вовсе не означала, что мастер Курепанов слепо копировал британского сарваера — при постройке «Гангута» Курепанов внедрил собственные инновации и оригинальные инженерные решения. Так, он вместе с Ле Брюном подал в Адмиралтейств-коллегию «Записку относительно образа строения и крепления военных кораблей и других судов по новому способу г-на Сеппингса»^{ix}, в которой они приводили аргументы в пользу или, наоборот, против отдельных конструктивных элементов корабля. Приведем таблицу из записки:

В последнем издании описания сего способа сказано	Примечания на сии статьи
Верхние и нижние концы наборных дерев образуются прямо, вымазываются свинцовыми белилами и соединяются между собою коксами (в каждом конце по одному), сделанными из крепкого, сухого и прочного дерева. Коксы сии прежде их употребления вымачивают в китовом жире, а потом уже красят	Свойство казанского корабельного дуба таково, что через десять лет крепость его в строении частью и от суровости здешнего климата ослабевает, и суда получают почти повсеместную гни-лость. А потому нет видимой пользы для предохранения одних только концов наборных дерев употреблять вместо смолы белила и масло
Шпации между шпангоутами почти до самых орлоп клямсов заделываются деревом, цементом и даже кирпичом, где пространство позволяет класть, не касаясь набора. А потом опять деревом. Прокладки сии с обеих сторон внутри и снаружи конопатят	У корабля Гангута вышнее начальство повелело: шпации заделать без цемента сосновыми прокладками, выконопатить и засмолить пазы изнутри и снаружи, что и должно принять правилом при производстве работ по способу Сеппингса для будущих строений
Доски подводной части крепятся с набором в каждом стыке одним медным болтом и одним нагелем в каждом дереве, что вместе со сквозными болтами трюмного косвенного набора считается достаточным креплением. Дерево чрез то не столько много просверливают, сколько от прежнего способа двойного и одинакового крепления, происходящего попеременно сквозь набор	По расположению трюмного набора крепление его болтами с наружною обшивкою таково, что многие доски подводной части не могут иметь от него ни одного из оных, а потому и должны оставаться, кроме своих стыковых болтов, при одном только нагелевом креплении. Что нельзя считать достаточным. При креплении досок подводной части надлежит соблюсти правило, чтобы в каждой из них вместо нагелей были болты, не далее один от

	другого как через три наборных дерева. Чтоб в каждом стыке вместо заклепного болта находился еще один остроконечный
--	---

Докладывая в Исполнительную экспедицию о степени готовности корабля, Ле Брюн сообщил о своем согласии на «сделание у строяемого корабельным мастером Курепановым корабля 80 пуш. *Гангута* сверх назначенных на чертеже сего корабля квартердечных портов, еще четырех к корме, на каждую сторону по два, по примеру Эмгейтена, для лучшего света в каютах и для употребления орудий в нужных случаях». Ширина портов составляла 2 фута 8 дюймов, высота — 2 ф. 4 д., от палубы до порта — 1 фут 7 дюймов.^x Интересная и важная резолюция Ле Брюна наложена на документе от 11 апреля 1823 года: «*Устроить носовую часть корабля Гангута, как она на корабле Чесьме была собрана, и как на прилагаемом чертеже показано*»^{xi}.

Главные размерения корабля по чертежу составляли:
 длина между перпендикулярами — 196 фут (59,74 м);
 ширина без обшивки — 50 фут (15,24 м);
 глубина от верхней кромки киля до верхней грани гон-дек бимса у борта — 23 ф. 7 д. (7,19 м).

«Гангут» нес мощное артиллерийское вооружение. В его нижней батарее были установлены орудия главного калибра — 30 36-фунтовых пушек, на опер-деке стояло 32 пушки 24-фунтового калибра, на шканцах и баке — 18 пушек 12-фунтового калибра^{xii}.

Спуск «Гангута» на воду состоялся в сентябре 1825 года на стыке двух царствований — от Александра I к Николаю I. По традиции, сложившейся в русском флоте, строитель корабля Иван Курепанов получил наградные деньги — по три рубля за каждую пушку, а всего 252 рубля серебром^{xiii}. Командиром «Гангута» был назначен капитан 2 ранга Александр Павлович Авинов.

В сентябре 1825 года директор российского кораблестроения Ле Брюн Сент Катарина направил «Комиссии, высочайше утвержденной для исчисления сметных положений по строению кораблей и прочих судов» короткую записку: «Честь имею представить чертежи 74х пушечного корабля с круглою кормою, предположенного построением на Охтенской верфи»^{xiv}. Корабельный инженер полковник В.Ф. Стоке строил корабль преимущественно из дубового леса «с круглой кормой по новой системе», а за четыре месяца до спуска, в июне 1826 года Николай I ознакомился с «некоторыми устроениями на английском корабле *Глостер*, в сравнении с нашими». После прочтения текста о нововведениях на корабле «*Gloster*» император наложил короткую резолюцию: «*Велеть все сии перемены сделать на пробу на корабле Александре Невском*»^{xv}. Наблюдал за постройкой «Александра Невского» капитан 2 ранга Лука Федорович Богданович, назначенный командиром корабля.

Однако исторически так сложилось, что из героев Наваринской битвы особенно чтим линейный корабль 74-пушечного ранга «Азов», получивший наименование в честь взятия Петром I сильной турецкой крепости Азов в 1696 году. «Азов» строил в Архангельске талантливый корабельный мастер Алексей Михайлович Курочкин по изложенным выше новым методикам с применением собственных разработок. Построенный из прочной архангельской лиственницы по передовым технологиям корабль отличался надежным внутренним креплением, а также трюма, обладал хорошими корпусными характеристиками и мореходными качествами. «Азов» был спущен на воду в мае 1826 года, а по приходе в Кронштадт командиром на него получил назначение капитан 1 ранга Михаил Петрович Лазарев — будущий адмирал, главный командир Черноморского флота и портов.

М.П. Лазарев ходатайствовал о производстве на «Азове» некоторых изменений, на что получил высочайшее позволение. Вот часть таких перемен:

«1. В брот камору вход с кубрика, и при входе ящики для гороха и крупы на две недели для служителей, дабы не всегда ходить на кубрик для провизии, а за сухарями из констапельской.

2. В палубах гвозди всажены глубже, и над гвоздями деревянные пробки, запущенные с белилами. Сие предохраняет от гнилости палубу, которая обыкновенно около гвоздей более заражается.

3. По кубрику над галереєю у борта сделаны вьюшки, на которых навиты разных толщин запасные веревки, что выгоднее на случай надобности, нежели в бухтах сверченые веревки держать.

4. Парусная каюта сделана по середине кубрика как прежде, что ближе для доставания парусов, и место для них суше.

Прочие небольшие перемены, как-то: в гребных судах, которые чище сделаны в окраске корабля, ибо краски лучше растерты и менее мела положено; чехлы для триселей, чтобы уборка сих парусов была красивее, столы в констапельской каюте и в кают-компании»^{xvi}.

В 1820-е годы произошла унификация в покраске корпусов. Например, прежде чем красить черной краской бархоуты, их сначала «покрывали сажей на олифе и сажей со смолой». Бимсы вначале грунтовали смолой, а потом уже красили английскими белилами, а сетки и шканцы корабля перед покраской «грунтовали под зеленую краску»^{xvii}.

Новые корабли «Гангут», «Александр Невский», «Азов» и «Святой Пророк Иезекииль» составили боевое ядро российской эскадры под Наварином и побывали в самом пекле сражения, в ходе которого показали свои лучшие корпусные характеристики. Так, «Азов» выдержал шквальный огонь с шести турецких кораблей, обрушивших на него град 36-фунтовых ядер. «Казалось, весь ад разверзся перед нами! — вспоминал участник сражения Павел Степанович Нахимов. — Не было места, куда бы ни били, не сыпались кнители, ядра и картечь. И ежели бы турки не били нас много по рангоуту, а били в корпус, то я смело уверен, что у нас не осталось бы и половины команды. Надо было драться с истинно особенным мужеством,

чтобы выдержать весь этот огонь и разбить противников, стоящих вдоль правого нашего борта, в чем нам отдают справедливость наши союзники. Когда же Гангут, Иезекииль и Александр Невский заняли свои места, тогда нам сделалось несравненно легче»^{xviii}.

Российские корабли «Святой Пророк Иезекииль», «Гангут» и «Александр Невский» уничтожили большую часть турецких брандеров и сильным артиллерийским огнем сбили угловые береговые батарейные расчеты. «Александр Невский» вступал в бой с 58-пушечным турецким фрегатом «Кейван Бахри» и двумя корветами. Спустя час после начала сражения «Кейван Бахри» потерял грот- и бизань-мачты и вскоре сдался в плен, о чем в журнале «Александра Невского» имеется запись: «В $\frac{3}{4}$ 5го часа сражавшийся с нами турецкий фрегат, именуемый Кейван Бахри, нам сдался, почему и прекратили по оному пальбу, а стали действовать продольными выстрелами в третий фрегат, сражавшийся прежде с кораблем Иезекиилем и ретирующемся от оною, который вскоре и взорвало на воздух». На пленном турецком фрегате, взятом «Александром Невским», стояла превосходная медная артиллерия, а капитан фрегата отдал командиру «Александра Невского» Александру Авинову флаг и свой кинжал. «Взято в плен людей на помянутом фрегате 500 человек разных наций, как то: турок, греков, италианцов, армян и арапов, из которого числа взято на наш корабль 57 человек, а остальные развезены на все суда нашей эскадры. Сожжено турецких судов 5», а затем еще три^{xix}.

Корабли русской эскадры получили сильные повреждения в рангоуте, снастях и парусах, но их корпуса, построенные из прочного строевого леса по новейшим технологиям, выдерживали попадания ядер. После сражения российская эскадра проследовала на Мальту с целью ремонта и исправления повреждений. Мальтийские мастера в присутствии М.П. Лазарева выявили в корпусе «Азова» 153 пробоины. С правой стороны по самую ватерлинию насчитали семь сквозных пробоин, напротив которых в носовой части перебило висячую и лежачую кницы, клямс и кетенс-помпы, в двух местах

был поврежден бушприт. В орудийном порте нижней палубы «шпангоут и наружную обшивку вышибло совсем вон», на верхней палубе под баком ядром пробило палубный настил и повредило бимсы, «перешиблен шпангоут», множество пробоин оказалось на юте, шкафуте и шканцах. Мальтийские мастера проделали колоссальный объем работ по ремонту «Азова», особенно по корпусу, заменили почти весь рангоут (три мачты, часть реев и стеньг)^{xx}, благодаря чему корабль смог продолжить активную службу в Эгейском море до 1831 года и выполнять там поставленные боевые задачи, участвовать в крейсерских операциях и блокаде Дарданелл.

13 ноября 1827 года под № 158 командующий российской эскадрой контр-адмирал Л.П. Гейден направил Николаю I подробную реляцию, в которой подчеркнул важный фактор взаимовыручки моряков в сражении. Также Логин Петрович похвалил командира французского корабля «Breslau» Бретоньера, который, «усмотрев, что корабль Азов весьма много претерпевает от неприятеля, сражаясь в одно время против пяти военных судов, немедленно обрубил свой канат и занял место между Азовом и английским кораблем Альбионом, чрез что некоторым образом облегчил наше положение». «Азов» же, в свою очередь, будучи окруженный противником, «много помог английскому Адмиралу, который сражался с 80 пушечным кораблем, имевшим флаг Мухарем Бей». Русский фрегат «Константин» пришел на помощь английскому бригу, который получил сильные повреждения и потерял управление. Закончил донесение Гейден такими строками: «К чести капитана Лазарева я должен присовокупить, что строгая дисциплина, ежедневное учение по пушкам и порядок, в коем служители всегда содержались, были причиною, и чему я совершенно обязан, что корабль Азов действовал с успехом в поражении и истреблении неприятеля. Он сильным огнем потопил два огромных фрегата и корвет, сбил 80 пушечный корабль, который бросило на мель, и был взорван, истребил фрегат, на коем Главнокомандующий турецким флотом Тагир Паша имел свой флаг, и который на другой день сторел, имев по признанию самого

Паши, из шестисот человек своей команды, до пятисот убитых и раненых. По достоверным сведениям, оказалось, что из шестидесяти военных судов, турецкий и египетский флот составлявших, остался только один фрегат и до пятнадцати мелких судов, но и те в таком положении, что едва ли могут служить им с пользой, и когда либо идти в море. Оставшиеся сии суда легко было также истребить, не более как в два часа времени, но оставлены неприятелю из одного доказательства, что действие с нашей стороны было не наступательное, но оборонительное»^{xxi}.

Пока эскадра стояла в порту Валетта на Мальте, в Петербурге начались приготовления к чествованию героев Наварина. Начальник Морского штаба Е.И.В. вице-адмирал А.В. фон Моллер направил в Кронштадт указ Николая I: «Высочайше повелено приготовить церемониал для поднятия Георгиева знамени на корабле Азове по примеру такового же образца, соблюдаемого при вручении знамен полкам с присягою о защищении оною. 16 декабря 1827». Парусный мастер в Кронштадтской парусной мастерской получил наряд на изготовление для 74-пушечного корабля «Азов» «тафтяного кормового флага с таким знаком в середине оною, какой положено иметь во флагах судов Гвардейского экипажа». А вымпел 1-й дивизии с Георгиевским гербом длиной согласно Штатному положению высочайше приказано изготовить из белой тафты «шириною 12 вершков 23 ½ аршина. Из синей тафты делать Андреевский на вымпеле крест, а из красной Георгиевский герб»^{xxii}. Флаг и вымпел с сопроводительным текстом высочайше утвержденного церемониала доставили на Мальту, где 6 апреля 1828 года на корабле «Азов» состоялось награждение 12-го флотского экипажа Георгиевским флагом.

Это высокаторжественное для отечественного флота событие нашло отражение в записках очевидца, чье имя, к сожалению, осталось неизвестным. Он вспоминал: «Я имел счастье получить приглашение от адмирала гр. Гейдена присутствовать при весьма важной и великолепной церемонии поднятия Георгиевского флага, этой воинской почести, которая

со времен Петра Великого ни по какому случаю не была еще жалуема, исключая полкам императорской гвардии после первого занятия Парижа союзными армиями. Около 10 часов утра красивый рейд Валетты заполнился парадными гребными судами, принадлежащими генерал-губернатору и другим членам правительства острова Мальты, а также шлюпками английского адмирала со своими капитанами и шлюпками командиров российских военных судов. Все они с большим великолепием отправились на «Азов», где их приняли с подобающими почестями и салютами; матросы «Азова» были расставлены по рядам, «а офицеры и команда одеты в красивые мундиры и кивера». После торжественного молебствия, отслуженного на шканцах корабля, с большой почестью вынесли Георгиевский флаг, который с благоговением освятил священник, после чего «офицеры и команда корабля произнесли клятву защищать его до последней минуты жизни, ибо флаг этот не может быть сдан неприятелю».

Этот очевидец пишет, что еще большей торжественности моменту придавала обстановка в городе, когда жители Валетты взбирались на стены, на укрепления, на крыши домов, под купола церквей, чтобы лучше обозреть рейд и российскую эскадру. Затем произошло потрясающее по красоте и одухотворенности зрелище, которое произвело на всех неизгладимое впечатление: под кормой «Азова» начали изящно извиваться «складки шелковой ткани Георгиевского флага. 500 пушечных выстрелов раздирали воздух громом великолепного салюта, корпуса кораблей и реи потонули в облаках белого густого дыма, и люди на бом-брам-ряях казались висящими в облаках. Десять тысяч раз эхо Валетты повторяло раскаты пушечного грома», после чего на какое-то время наступила полная тишина, которую прервали выстрелы со всех английских военных судов, отдавших дань уважения Российскому флагу. Затем «снова заговорили пушки «Азова» в знак признательности за оказанную честь», а по окончании выстрелов наступил черед музыкантов военного оркестра.

Вскоре последовали заслуженные награды. Император Николай I удостоил Гейдена чином вице-адмирала и орденом Св. Георгия 3-го класса, вице-адмирала Э. Кодрингтона — орденом Св. Георгия 2-го класса, контр-адмирала де А. Риньи — орденом Св. Александра Невского 1-й степени. От короля Англии Георга IV Логин Петрович получил орден Бани, от французского Карла X — орден Св. Людовика. По представлению Гейдена Георгиевскими кавалерами стали многие российские офицеры.

**Из Списка офицеров, участвовавших в Наваринском сражении,
с обозначением полученных ими наград^{xxiii}**

Имена и фамилии	Полученные награды
Начальник эскадры контр-адмирал граф Логин Петрович Гейден	Чин вице-адмирала, орден Св. Георгия 3-го класса, аренда по 3000 рублей на 4 года и мыза в Курляндии. Иностранные: французский военного ордена Св. Людовика большой крест и английский орден Бани 2-й степени Большого Креста
Корабль «Азов»: командир корабля капитан 1 ранга Михаил Лазарев	Чин контр-адмирала, французский военный орден Св. Людовика и английский орден Бани, Владимира 3-й ст., Св. Анны 2-й ст.
Капитан-лейтенант Павел Баранов	Чин капитана 2 ранга
Лейтенанты: Александр де Траверсе Павел Нахимов Андрей Шеман князь Семен Ухтомский Иван Бутенев Сергей Тыринов	Чин капитан-лейтенанта и звание флигель-адъютанта. Св. Георгия 4-го класса Чин капитан-лейтенанта и орден Св. Георгия 4-го класса Св. Владимира 4-й ст. Св. Анны 3-й ст. Следующим чином и Георгия 4-й ст. Св. Анны 3-й ст.
Мичмана: Ефим Путятин Александр Путята Василий Максимов Владимир Корнилов Константин Истомина Иван Асташев Петр Дергачев	Орден Св. Владимира 4-й степени с бантом Св. Анны 4-й ст. Св. Анны 4-й ст. Св. Анны 4-й ст. Св. Анны 4-й ст. Св. Анны 4-й ст. Св. Анны 4-й ст.
Гардемарины:	

Дмитрий Шишмарев Владимир Истомин	Чин мичмана Чин мичмана и серебряный крест Св. Георгия
Артиллерии капитан-лейтенант Егор Андреев	Владимира 4-й ст. с бантом
Унтер-лейтенант Николай Тибардин	Св. Анны 4-й ст.
Штурман 8-го класса Григорий Никифоров	Св. Владимира 4-го класса
Штурманский помощник 14-го класса Петр Здоровенков	Орден Св. Анны на шпагу
Лекарь Демьян Кучинский	Св. Владимира 4-го класса
Иеромонах Герасим	Крест золотой на Георгиевской ленте
Корабль «Гангут»: командир корабля капитан 2 ранга Александр Авинов	Св. Георгия 4-го класса, Св. Владимира 3-й степени, французский военный орден Св. Людовика и английский орден Бани
Капитан-лейтенанты: Петр Анжу Олимпий Готовцев	} Орден Св. Георгия 4-го класса
Лейтенанты: Михаил Анненков Василий Бахметьев Николай Повалишин Иван Трамбицкий Сергей Бахметьев Александр Рыкачев	Св. Анны 2-й ст. Св. Владимира 4-й ст. с бантом Св. Анны 3-й ст. Св. Владимира 4-го класса Св. Анны 3-й ст. Св. Владимира 4-го класса
Мичмана: Дмитрий Рыкачев Петр Чепелев Николай Лисовский Владимир Фофанов Василий Бартнев Андрей Дмитриев Сергей Развозов Александр Копытов	Св. Владимира 4-го класса Св. Анны 4-й ст. Св. Анны 4-й ст. Св. Анны 4-й ст. Св. Анны 3-й ст. Св. Анны 4-й ст. Св. Анны 4-й ст. Св. Анны 3-й ст.
Гардемарин Александр Кузнецов	Чин мичмана и серебряный крест Св. Георгия
Корпуса Морской артиллерии капитан-лейтенант Михаил Леонов	Золотую шпагу
Иеромонах Артемон	Крест золотой на Георгиевской ленте
Корабль «Св. Пророк Иезекииль»: командир капитан 2 ранга Иосиф Свинкин	Чин капитана 1 ранга, орден Св. Георгия 4-й ст., Св. Владимира 4-й ст. Иностранные: французский военного ордена Св. Людовика и английский орден Бани

Иеромонах Иезекииль	Крест золотой на Георгиевской ленте
Корабль «Александр Невский»: командир капитан 2 ранга Лука Богданович	Св. Георгия 4-го класса, Св. Анны 2-й ст. Иностранные: французский военный орден Св. Людовика и английский орден Бани
Гардемарин Исидор Стогов	Чин мичмана и серебряный крест Св. Георгия
Фрегат «Константин»: командир капитан 2 ранга Степан Хрущов	Св. Георгия 4-й ст., Св. Анны 2-й ст. Иностранные: французский военный орден Св. Людовика и английский орден Бани
Фрегат «Проворный»: командир капитан-лейтенант Иван Епанчин 2-й	Орден Св. Владимира 2-й степени с бантом. Иностранные: французский военный орден Св. Людовика и английский орден Бани
Фрегат «Св. Елена»: командир капитан-лейтенант Николай Епанчин 1-й	Св. Владимира 4-й степени с бантом. Иностранные: французский военный орден Св. Людовика и английский орден Бани
Фрегат «Кастор»: командир капитан-лейтенант Иван Сытин	Св. Георгия 4-й ст., Св. Владимира 4-й степени с бантом. Иностранные: французский военный орден Св. Людовика и английский орден Бани
Артиллерии капитан-лейтенант Егор Андреев	Владимира 4-й ст. с бантом
Унтер-лейтенант Николай Табардин	Св. Анны 4-й ст.

ⁱ О Первой экспедиции эскадр Балтийского флота в Эгейское и Средиземное моря и о действиях русского флота под командованием графа А.Г. Орлова в Хиосском проливе и Чесменской бухте 24–26 июня 1770 года см: *Гребенищикова Г.А.* Чесменская победа. Триумф России в Средиземном море. СПб., 2020.

ⁱⁱ *Boudriot Jean.* The Seventy-Four Guns Ships. Vol. I. Paris, 1986. Foreword (Предисловие).

ⁱⁱⁱ РГАВМФ. Ф. 227. Оп. 1. Д. 68. Л. 2–4.

^{iv} Там же. Ф. 198. Оп. 1. Д. 29. Л. 130–130 об.

^v Там же. Ф. 158. Оп. 1. Д. 744. Л. 10–12, 40–42 об.

^{vi} Там же. Ф. 131. Оп. 1. Д. 1387. Л. 1.

^{vii} РГАВМФ. Ф. 158. Оп. 2. Д. 5. Л. 3.

^{viii} Там же. Л. 42.

^{ix} Там же. Ф. 131. Оп. 1. Д. 1387. Л. 10, 23, 27–31, 41 об., 47–47 об.

^x Там же. Ф. 158. Оп. 2. Д. 5. Л. 77, 88. 1 августа 1824 года.

^{xi} РГАВМФ. Ф. 131. Оп. 1. Д. 1387. Л. 21, 49.

^{xii} Там же. Ф. 158. Оп. 2. Д. 5. Л. 4.

^{xiii} Там же. Л. 101.

^{xiv} РГАВМФ. Ф. 161. Оп. 1. Д. 28. Л. 4, 19.

^{xv} Там же. Д. 41. Л. 1–2. От 5 июня 1826 года.

^{xvi} РГАВМФ. Ф. 19. Оп. 4. Д. 24. Л. 50. Также: М.П. Лазарев. Сб. документов. Т. 1.

^{xvii} Там же. Ф. 161. Оп. 1. Д. 42. Л. 8.

-
- xviii Нахимов П.С. Сб. документов. СПб., 2003. С. 78.
- xix РГАВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Д. 3859. Л. 154–154 об.
- xx РГАВМФ. Ф. 161. Оп. 1. Д. 113.
- xxi Там же. Ф. 283. Оп. 1. Д. 530. Л. 9–11. Подпись контр-адмирала Л.П. Гейдена
собственноручная.
- xxii РГАВМФ. Ф. 158. Оп. 2. Д. 128. Л. 1–3.
- xxiii Там же. Ф. 283. Оп. 1. Д. 530. Л. 4–4 об., 16. Там же. Д. 533. Л. 13–14.

АДМИРАЛ М.П. ЛАЗАРЕВ И ЕГО «ШКОЛА»

Участие Михаила Петровича Лазарева — опытного, высокообразованного моряка и талантливого военачальника в победоносном для Российского флота Наваринском сражении предопределили вся его предыдущая жизнь и флотская служба.

Известно, что М.П. Лазарев с юных лет мечтал о морской службе, хотя и был уроженцем сугубо сухопутного города Владимира, а отец его, руководя Владимирским наместничеством, не имел прямого отношения к флотским делам. Тем не менее еще в раннем возрасте Михаил и два его брата были зачислены в Морской кадетский корпус в Петербурге, а позже все трое сделали блестящую военно-морскую карьеру. Старший брат Андрей Петрович дослужился до звания вице-адмирала, младший Алексей Петрович получил чин контр-адмирала, а Михаил Петрович стал адмиралом и главным командиром Черноморского флота, то есть его командующим¹.

Карьера Михаила Петровича не была делом случая. Успеха в службе он добился благодаря своему недюжинному уму, твердости характера и необыкновенному трудолюбию. В начале флотской карьеры он пять лет плавал на кораблях британского флота волонтером, что привило молодому моряку вполне определенное отношение к службе и помогло получить изрядные знания и навыки в морском деле. Не останавливаясь подробно на всех перипетиях нелегкой и весьма насыщенной службы М.П. Лазарева, отметим, что к 1825 г. он совершил уже три кругосветных плавания, причем два из них в должности командира корабля. Во время второй кругосветки российскими моряками было совершено одно из величайших географических открытий — шлюпы «Восток» и «Мирный» достигли берегов Антарктиды и положили их на карты. Карты эти хранятся в фондах РГА ВМФ. Сейчас современным морякам трудно представить, каким образом можно было совершать успешные плавания в полярные широты южного полушария

планеты на деревянных парусных кораблях водоизмещением от 300 до 500 т и с экипажами в 120–150 человек. То есть к моменту назначения командиром «Азова», ставшего флагманским кораблем контр-адмирала Логина Петровича Гейдена в Наваринском сражении, М.П. Лазарев был, наверное, самым опытным моряком в Российском флоте.

Можно смело утверждать, что успех «Азова» в противостоянии неприятельскому флоту был предопределен в большой мере всей предыдущей службой этого талантливой человека, ведь блестящая боевая подготовка экипажа корабля, его слаженность, самоотверженность и нацеленность на победу, это, несомненно, заслуга опытного и требовательного командира. С этим трудно не согласиться, тем более, что сохранились соответствующие документальные свидетельства. Вот выдержка из донесения контр-адмирала Л.П. Гейдена по результатам сражения: «При сем случае не могу не вспомнить тех достопамятных слов, которые Его Императорскому Величеству угодно было сказать при последнем оставлении корабля «Азова»: «Надеюсь, что в случае каких-либо военных действий поступлено будет с неприятелем по-русски». Слова сии исполнены совершенно... К чести капитана Лазарева должно присовокупить, что строгая дисциплина, ежедневные учения по пушкам и порядок, в коем служители всегда содержались, были причиной, что корабль «Азов» действовал с таким успехом в поражении и истреблении неприятеля. Он сильным своим огнем потопил два огромные фрегата и корвет, сбил 80-пушечный корабль, который брошен на мель и напоследок был взорван, истребил двухдечный фрегат, на коем главнокомандующий турецкого флота Тагир-паша имел свой флаг. В сражении из 600 человек до 500 убитых и раненых...»²

Таким образом, уже в Наваринском сражении со всей очевидностью проявились плоды так называемой «Лазаревской школы», которая начала формироваться еще в ту пору, когда ее основатель командовал не эскадрами и флотами, а отдельными кораблями. По результатам баталии М.П. Лазарев,

совмещавший должность командира корабля с должностью начальника штаба эскадры, удостоился контр-адмиральского чина и был награжден английским и французским орденами. А «Азов» стал первым в Российском флоте кораблем, получившим в знак особого отличия кормовой Георгиевский флаг³.

В 1828–1829 гг. во время очередной Русско-турецкой войны М.П. Лазарев принимал участие в блокаде Дарданелл, после чего благополучно привел эскадру из Архипелага в Кронштадт.

В 1832 г. М.П. Лазарев был назначен начальником штаба Черноморского флота и в следующем году возглавил экспедицию русской эскадры в Босфор для помощи турецкому султану против восставшего египетского паши Мухаммеда Али. Вот как зачастую стремительно меняется политическая обстановка в мире — вчерашние враги становятся союзниками. А бывает и наоборот, и мы тому не раз были свидетелями. Так что не стоит такие вещи чрезмерно драматизировать. Так бывало до нас, так будет после нас...

В 1833 г. вице-адмирал М.П. Лазарев был назначен главным командиром Черноморского флота и портов Черного моря, военным губернатором Николаева и Севастополя. Для Черноморского флота это время стало периодом позитивных перемен, вошедшим в историю под названием «лазаревской эпохи».

Дело в том, что время, предшествовавшее этой эпохе, стало не самым благоприятным для развития отечественного военно-морского флота. Бесперывные войны, которые вела Россия в первой четверти XIX в., вынуждали правительство обращать повышенное внимание на состояние сухопутных сил, зачастую пренебрегая нуждами флота. Поэтому здесь, в том числе и на Черноморском флоте, накопилось немало проблем, угрожавших, по мнению современников, «разрушением нашей морской силы». Исправить положение лишь героизмом и самоотверженностью моряков было невозможно. Требовалась большая и системная работа на всех направлениях укрепления морской мощи России. Именно здесь и нашли применение

высочайший профессионализм, необыкновенное трудолюбие и требовательность адмирала (с 1843 г.) М.П. Лазарева.

Адмирал был жестким и требовательным руководителем, причем как к подчиненным, так и к себе самому. Под его руководством Черноморский флот в течение ряда лет вел успешные боевые действия у Кавказского побережья, содействуя сухопутным войскам воинскими перевозками, артиллерийской поддержкой и высадкой десантов, срывая тем самым планы англичан и турок по дестабилизации обстановки на Кавказе и выдавливанию русских из этого важного для России региона.

Решался при этом и еще целый ряд задач. М.П. Лазарев силами тендера «Поспешный» и фрегата «Скорый» организовал первую экспедицию по описанию Черного моря, продлившуюся два года. Результатом стало издание первой черноморской лоции.

При Михаиле Петровиче число кораблей Черноморского флота было доведено до штатной численности, при этом за строительством новых военных судов он наблюдал лично. Изменились внешний вид кораблей и их оснащение. На смену пеньковым якорным канатам пришли металлические цепи, а питьевую воду стали хранить не в бочках, а в цистернах. Для просушки внутренних помещений использовали специальные печи, а под медную обшивку корабельного днища начали укладывать просмоленный войлок. Кормовые части кораблей перестали украшать фигурами и позолотой, а на место разнообразных носовых украшений пришли двуглавые орлы.

Была усовершенствована корабельная и береговая артиллерия. Заложили при участии адмирала город и порт Новороссийск, и здесь началось строительство адмиралтейства. Современное для той эпохи адмиралтейство было построено в Николаеве, а в Севастополе составлен план и подготовлены места для строительства адмиралтейства и современных доков. В созданном по распоряжению командующего Гидрографическом депо печатались карты и книги, морские атласы, лоции и книги по флотской

тематике. По распоряжению адмирала была реорганизована Севастопольская морская библиотека. Неудивительно, что под руководством М.П. Лазарева Черноморский флот стал через некоторое время лучшим в России ⁴.

Будучи моряком высочайшей пробы, проведенным на корабельной палубе не один год, адмирал понимал, что только в море может выковаться настоящий флотский характер. Поэтому в течение всей своей службы он внимательно присматривался к молодым офицерам, отличая тех, кто по-настоящему любил море и стремился глубже постичь флотскую службу. Так, еще во время плавания на фрегате «Крейсер» Михаил Петрович обратил внимание на грамотного и трудолюбивого лейтенанта П.С. Нахимова, которого затем в течение 30 лет не выпускал из своего поля зрения.

М.П. Лазарев для привития молодым офицерам командирских навыков практиковал назначение самых на его взгляд талантливых и перспективных лейтенантов на самостоятельные должности командиров бригав, шлюпов, военных транспортов, фрегатов, а позже пароходов. Корабли эти адмирал отправлял в дальние плавания, воспитывая таким образом в их командирах чувство ответственности. Под его руководством была воспитана целая плеяда выдающихся флотских военачальников. Павел Степанович Нахимов по праву считается одним из учеников адмирала, наряду с Григорием Ивановичем Бутаковым, Владимиром Алексеевичем Корниловым, Владимиром Ивановичем Истоминым и многими другими менее известными, но талантливыми моряками.

М.П. Лазарев был прекрасно образованным моряком и, несмотря на то, что прослужил всю свою жизнь на парусном флоте, не был чужд новаторским идеям. Поэтому, когда пришло время, он понял, что парусный флот отживает свой век и на смену парусному кораблю идет корабль паровой. Было очевидно, что русский флот быстро такую грандиозную проблему не решит, но тем не менее Лазарев, не будучи ретроградом, добивался заказов на новые паровые корабли для Черноморского флота. Так, для наблюдения за строительством четырех пароходов, в том числе

отличившегося позже в Крымскую войну пароходофрегата «Владимир», на английские верфи был командирован один из ближайших помощников адмирала капитан 1 ранга В.А. Корнилов. В ноябре 1853 г. в должности начальника штаба Черноморского флота он руководил ходом победоносного боя этого корабля с турецким пароходофрегатом «Перваз-Бахри».

Известный в свое время историк флота Дмитрий Афанасьев так характеризовал М.П. Лазарева, сравнивая его с предшественником на должности командующего Черноморским флотом адмиралом Алексеем Самуиловичем Грейгом: «Грейг и Лазарев имели каждый свою долю гениальности, но были совершенно противоположных наклонностей и характеров. Первый работал по обязанности, второй — по увлечению... Для Лазарева не существовало других интересов, кроме интересов моря; в них сосредоточивались его честолюбие, его надежды, помыслы, весь смысл его жизни». Таковыми были и воспитанники его «Лазаревской школы».

Адмирал М.П. Лазарев не дожил до начала Крымской (Восточной) войны 1853–1856 гг. Он скончался в 1851 г. и был погребен в склепе Владимирского собора в Севастополе, куда его прах доставили на борту того самого пароходофрегата «Владимир». Здесь же в соборе позже нашли свое упокоение и ученики его «Лазаревской школы» вице-адмиралы В.А. Корнилов и П.С. Нахимов, а также контр-адмирал В.И. Истомин. Вот такая интересная судьба у этих четверых моряков. Впервые она свела их вместе на борту «Азова» во время подготовки и участия в Наваринском сражении, а когда пришло время, упокоила их в одном могильном склепе Владимирского собора Севастополя.

---

¹ Доценко В. Д. Морской биографический словарь. СПб., 1995. С. 242–243.

² Морские сражения Русского флота. Воспоминания. Дневники. Письма. М., 1994. С. 268.

³ Русское военно-морское искусство. М., 1951. С. 170.

⁴ Там же. С. 172–173.

АДМИРАЛ ЛОГИН ПЕТРОВИЧ ГЕЙДЕН — 50 ЛЕТ НА СЛУЖБЕ РОССИИ

*По материалам виртуальной выставки РГАВМФ «Сделать честь
российскому флагу...» На службе четверем императорам (1795–1850).
К 250-летию со дня рождения адмирала графа Л.П. Гейдена и 195-летию
победы в Наваринском сражении*

Граф Логин Петрович Гейден, русский адмирал голландского происхождения, родился в Гааге 25 августа 1772 года в семье обер-гофмаршала Двора штатгальтера Нидерландов Вильгельма V Оранского.

Под руководством адмирала Я.Х. ван Кинсбергена он овладел морским делом, пять лет служил в Ост-Индии, стал лейтенантом, но по возвращении на родину обнаружил, что Нидерланды становятся вассальной провинцией Франции. Граф Гейден участвовал в спасении королевской семьи, а когда вернулся на родину, то подвергся аресту, тюремному заключению и вынужден был бежать из страны.

На Черном и Средиземном морях

В России граф Гейден был представлен императрице Екатерине II, «обласкан ею» и принят на русскую службу 10 ноября 1795 года с чином капитан-лейтенанта и назначением в Черноморский гребной флот, базировавшийся на Одессу.

26 марта 1796 года 24-летний офицер граф Гейден был определен на бригантину «Алексей» под командованием капитан-лейтенанта А.К. фон Дирса (тоже голландца), на которой находился в плавании «от Одессы до Евпатории, Севастополя и Николаева».

В последующие годы он проходил службу на катере «Христофор», затем снова на бригантине «Алексей», на которой в 1799–1800 гг. совершил плавание на о. Корфу, взятый штурмом кораблями Ф.Ф. Ушакова у французов, и в Неаполитанское королевство.

В 1800–1801 гг. Гейден командовал фрегатом «Иоанн Златоуст» в Черном море. В вахтенном журнале этого корабля сохранились выполненные гардемаринами Черноморского штурманского училища рисунки черноморского побережья.

Осенью 1801 года капитан-лейтенант граф Гейден являлся командующим первой эскадрой канонерских лодок, а в 1802 году на пакетботе совершил плавание в Константинополь.

На Балтике

В 1803 году Гейден был переведен в Петербург, где стал членом призовой комиссии. В 1804 году на корабле «Зачатие Св. Анны» ходил в Ревель и Данию (Кёг-бухта).

В 1805–1808 гг. Гейден был начальником экипажного отделения. Поскольку в начале 1808 года началась последняя Русско-шведская война, то он принял участие в трех сражениях со шведским флотом, являясь флагманом 3-, 4- и 5-го отрядов гребной флотилии. При этом в первом сражении 9 июля 1808 года он получил сильную контузию.

В 1809–1811 гг. Гейден командовал всей флотилией русских судов у финляндских берегов, а в 1812 году в г. Або — флотилией и портом. В том же году Наполеон и его союзники начали войну против России.

В 1813 году, командуя флотилией, Гейден участвовал в трех сражениях с французами у Данцига. Затем он продолжил службу в г. Або.

В ноябре 1815 года граф Гейден стал главным командиром порта Свеаборг, а в 1816 году получил и полномочия военного губернатора Свеаборга, которым и был в течение 7 лет.

Добросердечность и человеколюбие сыграли злую шутку с графом Гейденом. В 1823 году на него и нескольких его подчиненных (лейтенанта Я.И. Бедрицкого, капитан-лейтенанта П.П. Водопьянова, секретаря Кокина, капитана 2 ранга И.Е. Абрамова) поступил анонимный донос за превышение должностных обязанностей по «случаю тайного провоза купеческих товаров

через Свеаборгский порт». Гейден был смещен с должности и находился под следствием в Петербурге до 1826 года.

Только в апреле 1826 года он «в уважение оказанных им по службе многих отличий» был императором Николаем I «освобожден от всякого взыскания», а случай тайного провоза купеческих товаров через порт Свеаборг определен для Л.П. Гейдена как «вредная доверчивость к подчиненным».

В Средиземном море. Наваринское сражение

В 1827 году Логин Петрович по высочайшему повелению был назначен командующим эскадрой из четырех кораблей, четырех фрегатов и одного корвета и отправлен в Средиземное море для оказания вместе с английской и французской эскадрами давления на Турцию, жестоко подавлявшую восстание греков. Назначение Гейдена было не случайным, так как к этому времени контр-адмирал пользовался заслуженной репутацией опытного политика и искусного моряка.

Документы РГАВМФ, сохранившие память о нем, подтверждают и добросердечность контр-адмирала графа Л.П. Гейдена в отношении к своим сослуживцам: и офицерам, и нижним чинам.

В рапорте начальнику Морского штаба вице-адмиралу А.В. фон Моллеру от 17 сентября 1827 года Л.П. Гейден ходатайствует о назначении денежного пособия матери мичмана А.А. Домашенко, погибшего при спасении матроса И. Ашуркова, упавшего с реи в море во время шторма. В 1828 году мичману-герою был установлен памятник в Кронштадте.

8 (20) октября 1827 года в Наваринской бухте Ионического моря произошло морское сражение между флотом союзников (России, Англии и Франции) и турецко-египетским флотом, который был полностью уничтожен.

Наиболее решительно и искусно действовала русская эскадра под командованием контр-адмирала Гейдена, разгромившая весь центр и правый

фланг неприятельского флота. Потери турецко-египетского флота составили более 60 кораблей и судов, а убитыми и утонувшими — более 7 тыс. человек. Ночью турки сами сожгли почти все свои оставшиеся суда. Союзники не потеряли ни одного корабля. Их потери убитыми и ранеными составили около 800 человек.

В своем донесении о Наваринском бое контр-адмирал граф Гейден писал: «Три союзных флота, соревновали один другому в храбрости. Никогда не видно было столь искреннего единодушия между различными нациями. Взаимные пособия доставлялись с неписанной деятельностью. При Наварине слава английского флота явилась в новом блеске, а на французской эскадре, начиная от адмирала Риньи, все офицеры и служители явили редкие примеры мужества и неустрашимости. Капитаны и прочие офицеры российской эскадры исполняли долг свой с примерным рвением, мужеством и презрением всех опасностей, нижние чины отличились храбростью и повиновением, которые достойны подражания».

За мужество и героизм, проявленные в Наваринском сражении, Л.П. Гейден был произведен в вице-адмиралы, стал кавалером ордена Св. Георгия 3-й степени, французского ордена Святого Людовика и английского ордена Бани. Большинство офицеров русской эскадры получили русские, английские и французские ордена и повышение в чине.

С осени 1827-го по декабрь 1829 года граф Гейден командовал отдельной эскадрой кораблей в Средиземном море (ее численность доходила до 24 судов). Особый отряд эскадры под командованием контр-адмирала П.И. Рикорда осуществлял блокаду Дарданелл в период Русско-турецкой войны. Адрианопольский мирный договор (2/14.09.1829 г.) завершил эту войну.

Через полгода, в марте 1830-го у Гейдена произошла личная трагедия: на борту фрегата «Александра» скончался его командир капитан 1 ранга барон Е.А. Шлиппенбах. Он был зятем Л.П. Гейдена, мужем его старшей дочери

Марии. Е.А. Шлиппенбах был похоронен на британском кладбище «Garden of Rest» в одном из бастионов Ла-Валлетты на Мальте.

В том же году на корабле «Князь Владимир» вице-адмирал Гейден вернулся в Кронштадт, где в декабре был назначен начальником 1-й флотской дивизии.

Ревельский военный губернатор

В плавании 1833 года от Ревеля до Кронштадта эскадра Гейдена сопровождала императора Николая I и его жену Александру Федоровну. Это была его последняя кампания. В этом же году Гейден получил от императора «шестикратное благоволение» и 10000 руб., а 6 декабря был произведен в адмиралы.

С 1834 года Гейден был ревельским военным губернатором, а с 1838-го и главным командиром Ревельского порта. В 1834 году он был награжден орденом Белого Орла, в 1839-м — орденом Св. Александра Невского, в 1846-м получил пособие в размере 5000 руб. серебром, в 1848 году — алмазными знаками ордена Св. Александра Невского «в изъявление особенного благоволения к долговременной отличной службе, ознаменованной и подвигами военными, и неутомимыми трудами по вверенному управлению».

Однако не все было гладко у Гейдена в Ревеле. В Российском государственном архиве Военно-Морского Флота хранится дело «О казначее Ревельского порта Юргенсе, обвиняемом в растрате». Дело началось в январе 1844-го и закончилось в январе 1845 года. Факт казнокрадства выявил сам главный командир Ревельского порта адмирал граф Л.П. Гейден.

Речь шла об огромной сумме в 12567 рублей 56 копеек серебром, взятой из казны Ревельского порта казначеем Александром Юргенсом в течение 1835–1843 гг. «на собственные удовольствия, большей частью на угощение себя вне своего дома и на угощение своих знакомых». Было выяснено, что адъютант главного командира порта никогда не делал сверку имеющимся

в казне деньгам. Комиссия военного суда при Ревельском порте вынесла решение взыскать деньги не только с главного обвиняемого по этому делу, но и с чиновников, «прикосновенных к этому делу». Понимая меру своей ответственности, граф Гейден немедленно внес собственные средства для погашения растраты Юргенса. 19 декабря 1844 года морской генерал-аудитор князь Д.А. Эристов представил императору Николаю I доклад с полным изъяснением судебного дела и решением по нему. Император утвердил это решение. Как следует из доклада, бывший казначей А. Юргенс был лишен всех чинов и личного дворянства, разжалован в матросы, а лица, проходящие по данному делу, освобождены от всякой ответственности. «Что же касается личных сбережений, отданных графом Гейденом в казну, то возвращение их окажется возможным, если по продаже имения Юргенса останутся средства», — указывалось в докладе.

Л.П. Гейден был женат на Анне Ивановне Аккелей, дочери капитана 1 ранга. Он имел шестерых детей. Старший сын, адмирал Логин Логинович (1806–1901) так же, как отец, командовал Ревельским портом и несколько десятилетий был вице-председателем Александровского комитета о раненых.

Федор (1821–1900) — генерал, участник Кавказской войны, финляндский генерал-губернатор, Александр (1810–1896) — действительный статский советник. Дочери Мария (1808–1864) — вдова капитана 1 ранга барона Е.А. Шлиппенбаха, Елизавета (1812–1840) — замужем за морским офицером В.П. Опочининым и Луиза (1819–1887) — благотворительница.

Адмирал граф Логин Петрович Гейден скончался в Ревеле 5 (17) октября 1850 года. Отпевали его в Домском соборе. Могила Гейдена на кладбище Копли до наших дней не сохранилась...

УЧАСТНИКИ НАВАРИНСКОГО СРАЖЕНИЯ В ДОКУМЕНТАХ РГАВМФ

«Мысленно присоединяюсь к Вашему торжеству. Прошу передать Наваринцам мое поздравление с славною 50-летнею годовщиною. Радуюсь, что доблести, которыми всегда отличался флот наш, вполне живы в нем и теперь как молодцы моряки наши не перестают это доказывать в настоящую войну на Дунае и в Черном море. Александр».

РГАВМФ. Ф. 283. Оп. 3. Д. 5623.

Телеграмма императора Александра II великому князю Константину Николаевичу от 8 октября 1877 г.

Первые сведения об участниках Наваринского сражения поступили сразу же по его окончании от начальника эскадры контр-адмирала графа Л.П. Гейдена 12 октября 1827 г. с корабля «Азов» в бухте Наварино. Во всеподданнейшем рапорте он сообщал: «...Не нахожу достаточных выражений, дабы изъяснить вашему величеству храбрость, присутствие духа и усердие капитанов, офицеров и нижних чинов, оказанных ими во время кровопролитного сего сражения: они сражались как львы против многочисленного сильного и упорного неприятеля; и в особенности отличились капитаны Лазарев, Авинов, Свинкин, Богданович и Хрущов. К сожалению, должен присовокупить, что корабли «Азов», «Гангут» и «Иезикииль» повреждены чрезвычайно; о числе же убитых и раненых с нашей стороны, с прискорбием представляю при сем краткую ведомость...»¹

Спустя 50 лет, по распоряжению генерал-адмирала великого князя Константина Николаевича с 9 апреля 1877 года в Морском министерстве и Министерстве внутренних дел, во всех губернских канцеляриях Российской империи начинается розыск оставшихся в живых участников

---

¹ РГАВМФ. Ф. 170. Оп. 1. Д. 115. Л. 1–4. Подлинник.

сражения: как офицеров, так и нижних чинов. Широкая подготовка к юбилею Наваринского сражения проходила в условиях начинающейся Русско-турецкой войны, 12 (24) апреля 1877 года император Александр II объявил войну Турции. Для оживления исторической памяти и в целях пропаганды подвигов героев в Морском министерстве началась работа по составлению истории Наваринского сражения, о которой за прошедший период сказано было немного. В Инспекторский департамент Морского министерства стали стекаться сведения об оставшихся в живых участниках Наваринского сражения, а по архивным документам составлена записка о Наваринском сражении, которая была опубликована в журнале «Морской сборник», № 9 в 1877 году. В том же году вышла книга Е.В. Богдановича «Наварин», как писал в предисловии автор, «содействовать восстановлению исторической правды».

Вследствие работы Морского министерства по подготовке юбилейных мероприятий в фонде Инспекторского департамента (Ф. 283) отложилось значительное количество дел об участниках Наваринского сражения, документы с подробностями «О награждении чинов, особо отличившихся в сражении, начато 10 декабря 1827 и окончено 22 июня 1829 г.»² «О награждении знаками военного ордена св. Георгия нижних чинов, отличившихся в сражении при Наварине. Начато 9 ноября 1827 и окончено 16 марта 1829 года»³, в деле «О пенсиях нижним чинам, отставленным от службы за ранами и увечьем, полученными в сражении 8-го октября 1827 года при Наварине» есть списки нижних чинов, раненных во время Наваринского сражения и получивших увечья, уволенные с паспортами вовсе от службы на свое пропитание, прошения нижних чинов, покалеченные и обделенные пособием люди находились в бедственном положении⁴, в деле «Сведения о судах, составлявших эскадру адмирала Графа Гейдена и списки

---

² РГАВМФ. Ф. 283. Оп. 1. Д. 530.

³ Там же. Д. 529.

⁴ Там же. Д. 925.

о чинах эскадры» списки участников эскадры для раздачи призовых денег ⁵, в ходе подготовки к докладу были выявлены обстоятельные списки нижних чинов команды 44-пушечного фрегата «Проворный», 84-пушечного корабля «Гангут» ⁶.

По распоряжению генерал-адмирала великого князя Константина Николаевича управляющий Морским министерством вице-адмирал С.С. Лесовский направил отношение министру внутренних дел, в котором сообщал о необходимости собрать не позднее июля сведения о наваринцах: фамилия, имя, отчество, место проживания, на каких кораблях и в каких званиях служили. В свою очередь, департамент полиции от 23 апреля 1877 г. направил циркуляры всем губернаторам, через газету было подано объявление, в котором участников сражения просили доставить в Морское министерство известные сведения. В результате в фонд Инспекторского департамента Морского министерства стали поступать не только сведения об участниках сражения от всех губернаторов, но письма и прошения самих участников с описанием подробностей их жизни и службы, информация, что называется, из первых уст. В хранящемся в РГАВМФ деле «О составлении записки о Наваринском сражении и о сборе сведений о его участниках» содержатся письма известных и малоизвестных героев сражения: письмо российского контр-адмирала, писателя, морского журналиста Николая Александровича Рыкачева директору Инспекторского департамента вице-адмиралу барону Василию Федоровичу Таубе с просьбой включить в число участников Наваринского сражения его дядю, Дмитрия Петровича, который служил мичманом на корабле «Гангут» ⁷; прошение от генерал-лейтенанта Поскочина с просьбой от своего бывшего крепостного, Логина Ивановича Сотского, служившего вместе с ним на корабле «Кастор» и награжденного серебряной медалью ⁸; письмо отставного капитана Павла Екимовича

---

⁵ Там же. Д. 3187.

⁶ РГАВМФ. Ф. 283. Оп. 1. Д. 36.

⁷ Там же. Д. 5983. Л. 24–24 об.

⁸ Там же. Л. 58–58 об.

Чабурин, героического офицера, который начинал службу из солдатских детей Архангельской губернии ⁹.

Подробные сведения об участниках сражения собирались по всем портам, так в циркуляре штаба главного командира Кронштадтского порта № 33 от 10 июня 1877 г. записано: «В настоящем году 8 октября исполнится 50 лет Наваринской битве, его императорское высочество генерал-адмирал полагал отпраздновать этот столь знаменательный для Русского флота день, выразить желание иметь к этому времени возможно полные сведения как об офицерах, так и нижних чинах, участвовавших в Наваринской битве, т. е. в эскадре контр-адмирала графа Логина Петровича Гейдена.

Во исполнение сего циркуляра доставить сведения, не имеется ли в числе лиц, находящихся на службе, такие, которые были в Наваринском сражении с обозначением в них: фамилий и отчеств Наваринцев, на каких судах они плавали во время битвы и в каких званиях. Начальник штаба свиты его величества адмирал Феодоровский 1» ¹⁰.

Через пять лет мы будем отмечать 200-летний юбилей Наваринского сражения, в этой связи особый интерес представляют документы с подробностями его празднования в 1877 г. «В субботу 8-го сего октября, в день 50-летней годовщины Наваринского сражения, имеет место быть в присутствии его императорского высочества генерал-адмирала в соборе Св. Спиридона Тримифийского (что в здании Главного Адмиралтейств), молебствие в половине второго часа по полудни. Присутствующим при молебствии быть в парадной форме. 8 октября 1877 г.» ¹¹ В газете «Ведомости Санкт-Петербургского градоначальства и Санкт-Петербургской полиции» было размещено объявление о молебне 8 октября в соборе Св. Спиридона Тримифийского ¹².

---

⁹ РГАВМФ. Ф. 283. Оп. 3. Д. 5983. Л. 33–34 об.

¹⁰ Там же. Оп. 2. Д. 393. Л. 7.

¹¹ Там же. Л. 56 б.

¹² Там же. Л. 95.

Из рапорта директора Инвалидного дома вице-адмирала А.А. Давыдова от 4 октября 1877 года в Инспекторский департамент Морского министерства мы узнаем, какие праздничные мероприятия проходили на Каменном острове в Санкт-Петербурге в Инвалидном доме императора Павла I 8 октября: молебствие (молебен) и обед для инвалидов, проживающих в Инвалидном доме, на 64 человека, в числе которых были участвовавшие в Наваринском сражении и проживающие в Доме унтер-офицеры Илья Гейдман и Иван Гаврилов. «...обед состоящий из пирога, щей, жаркого из говядины, чарки водки и одной бутылки пива на каждого... Обед будет стоить 160 рублей»¹³.

Вопрос о назначении пенсии оставшимся в живых участникам сражения генерал-адмирал великий князь Константин Николаевич смог решить благодаря собранным сведениям и составленным ведомостям. При полной поддержке императора Александра II 15 человек нижних чинов получили по 100 рублей единовременно. В деле «О всемилостивейшем пожаловании пенсии и единовременных пособий к выдаче находящимся в живых участникам Наваринского сражения в честь 50-ти летнего юбилея» имеется ответная телеграмма императора великому князю Константину Николаевичу на его просьбу назначить выплаты наваринцам: «На назначение пенсии и единовременного пособия оставшимся в живых Наваринцам в память 50-летия согласен. Александр»¹⁴.

Сведения об офицерах, участниках сражения хранятся в фонде «Послужные и формулярные списки чинов Морского ведомства (коллекция)» (Ф. 406), послужные списки которых достаточно легко можно выявить. Герои сражения, капитан 2 ранга Авинов Александр Павлович (Ф. 406. Оп. 7. Д. 320, 322, 324); капитан-лейтенант Анжу Петр Андреевич (Ф. 406. Оп. 7. Д. 392); капитан 1 ранга Иван Николаевич Бутаков (Ф. 406. Оп. 3. Д. 592, 593); капитан 2 ранга Иван Петрович Бутенев (Ф. 406. Оп. 7. Д. 342);

---

¹³ РГАВМФ. Ф. 283. Оп. 2. Д. 393. Л. 63.

¹⁴ Там же. Оп. 3. Д. 5909. Л. 27.

мичман Евфимий Васильевич Путятин (Ф. 406. Оп. 7. Д. 325) и другие послужные списки с подробностями участия офицеров в сражении.

Непосредственными участниками сражений являлись корабли, чертежи которых бережно хранятся в фонде 327 («Кораблестроительные чертежи»): общие чертежи и чертеж исправления 74-пушечного корабля «Азов» с указанием пробоин, полученных в Наваринском сражении, чертежи деталей кораблей. Дополняют историю кораблей сведения из других фондов. «Дело о переименовании 22-пушечного корвета «Восточная звезда» в «Наварин». (Ф. 283. Оп. 1. Д. 823). Турецкий корвет был взят в плен российским кораблем «Святой Иезекииль» в апреле 1828 года, по повелению императора корвет был переименован в «Наварин». Чертеж этого корабля также есть в фонде кораблестроительных чертежей. В документах фонда канцелярии Морского министра (Ф. 170) хранятся рапорты адмирала графа Л.П. Гейдена начальнику Морского штаба с ведомостями необходимых исправлений кораблей, участвовавших в сражении. В деле имеются описания повреждений кораблей, сведения о процессе их восстановления и размере ущерба, причиненного кораблям.

Важным источником сведений об участниках Наваринского сражения являются документы фонда вахтенных журналов (коллекция, 1719-1917, Ф. 870), которые читать сложно, но именно в ежедневных записях журналов можно обнаружить уточняющие подробности плавания, бытовых и погодных условий, сражения, технического состояния корабля. В шканечном журнале плавания эскадры графа Л.П. Гейдена находим запись о том, что «7 августа в 5 часов вечера поступил на корабль из Портсмута для компании дипломатического корпуса статский советник Катакази». Еще в ноябре 1826 года Гавриил Антонович был определен в комиссию, учрежденную для рассмотрения требований России к Османской империи, и как представитель Министерства иностранных дел Катакази был назначен на флот советником контр-адмирала графа Гейдена по греческим делам. В этой должности он находился на линейном корабле «Азов» в сражении при Наварине 8 ноября

1827 года. В день приезда важного гостя в журнале записано: «В начале 7 часа от нас сигналом велено всей эскадре служителей дать по чарке вина». Запись 17 сентября зафиксировала приезд высокопоставленных гостей: «около ½ 11 часа приехал к нам на корабль из Палермо Сицилийский вице-король маркиз Гро и английский герцог Букингам и с прочими несколькими особами»¹⁵.

Погодные условия и определение местонахождения корабля, подробности сражения, записанные в журналах, дают возможность наполнить историю сражения мельчайшими деталями. Все шканечные журналы являются ценными историческими источниками.

В вахтенном журнале 36-пушечного фрегата «Елена» (Ф. 870. Оп. 1. Д. 3874) наряду с многочисленными и разнообразными описаниями сражений упомянуты фамилии отличившихся и пострадавших в ходе сражения. Во всех журналах приведены схемы построения кораблей во время сражения, в вахтенном журнале 36-пушечного фрегата «Кастор» (Ф. 870. Оп. 1. Д. 3871) есть цветная схема Наваринского сражения.

В журнале 74-пушечного корабля «Александр Невский» (Ф. 870. Оп. 1. Д. 3859) под командой капитана 2 ранга Богдановича 2-го также зафиксированы подробности сражения, имена раненых и убитых членов команды. В журнале записаны подробности о передаче турецким капитаном турецкого флага и кинжала.

Необходимо выделить отдельно документы об участниках Наваринского сражения, без которых не начиналось и не заканчивалось ни одно плавание и ни одно сражение. В Инспекторском департаменте хранятся дела, касающиеся священнослужителей. «По просьбе священника Григорьева, о награде золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте, за сражение при Наварине» (Ф. 283. Оп. 1. Д. 1292); «О наградах, полученных за Наваринское сражение иеромонахом и священнослужителями» (Ф. 283. Оп. 1. Д. 1609). Среди документов по истории Наваринского сражения привлекает

---

¹⁵ РГАВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Д. 3860.

внимание рапорт капитан-лейтенанта П.Ф. Анжу директору Морского кадетского корпуса вице-адмиралу И.Ф. Крузенштерну от 30 мая 1830 г., в котором он сообщает, что действительно во время Наваринского сражения на корабле «Гангут» была замечена проплывающая икона Пресвятой богородицы Одигитрии. Икона была поднята и привезена в Кронштадт, где находилась во 2-м флотском экипаже¹⁶. В 1874 году между Инспекторским департаментом и штабом главного командира началась переписка с целью выяснения местонахождения иконы образа матери и всех скорбящих. Выяснилось, что при расформировании экипажей в 1863 году икона была передана на фрегат «Александр Невский» в 5-й флотский экипаж. После крушения фрегата образ предполагалось передать на фрегат «Светлана» в Гвардейский экипаж. 31 декабря 1874 года поступило распоряжение от Инспекторского департамента оставить икону в 5-м флотском экипаже и не передавать в Гвардейский на фрегат «Светлана»¹⁷. Найденная в сражении икона, хранящаяся в 5-м флотском экипаже, в 1877 году была выставлена при молебне в соборе Св. Спиридона Тримифийского на юбилейном торжестве в Адмиралтействе.

Захоронение погибших в сражениях и сохранение памяти во все времена считалось важной государственной задачей. В фонде Главного морского штаба (Ф. 417) хранятся документы за 1894 год со сведениями о состоянии захоронения и памятника русским морякам, погибшим в Наваринском сражении. Из рапорта командира крейсера «Память Азова» капитана 1 ранга Г.П. Чухнина от 29 января 1894 года: «К 2 $\frac{3}{4}$ пополудни встали на якорь в Наваринской бухте. 30 января в 2 часа дня пополудни свободные от службы офицеры и часть команды были свезены на берег, где на братском кладбище, около памятника, поставленного начальником отряда и офицерами клипера «Жемчуг», отслужена была панихида. Собственно, на кладбище нет никаких следов могил. Площадь, огороженная забором, составляет неправильный

---

¹⁶ РГАВМФ. Ф. 283. Оп. 1. Д. 1400.

¹⁷ Там же. Оп. 3. Д. 5349.

четырёхугольник, длиною и шириной до двухсот шагов. Кому эта земля принадлежит, неизвестно». Известно, что в 1872 году русские моряки отряда свиты его императорского величества под начальством контр-адмирала И. Бутакова — командир, офицеры и команда клипера «Жемчуг» поставили памятник на острове Сфактерия. К рапорту Г.П. Чухнина с подробным описанием захоронения приложен глазомерный план местности.

Возвращаясь к главному участнику Наваринского сражения адмиралу графу Л.П. Гейдену, хочется отметить, что его рапорты, донесения и другие документы свидетельствуют о высокой порядочности, честности, такте, уме и огромном опыте выдающегося флотоводца, командира и государственного деятеля. Воспитанный при дворе обер-гофмаршала Двора штатгальтера Нидерландов Вильгельма V Оранского граф Логин Петрович Гейден оставил лучший пример служения на пользу своего нового Отечества. Приведем лишь два ярких тому примера из архивных документов.

В деле «О всемилостивейшем пожаловании 12 флотскому экипажу Георгиевского флага за отличия в сражении при Наварине»¹⁸ есть рапорт графа Гейдена, который характеризует Логина Петровича как честного и независимого политика, факт, крайне редко встречающийся в истории. В своем рапорте от 26 марта 1828 года вице-адмирал сообщает начальнику Морского штаба вице-адмиралу А.В. фон Моллеру, что нарушил церемониал освящения и поднятия на корабле «Азов» пожалованного 12-му флотскому экипажу Георгиевского флага и вымпела. «25 марта в день Святой Пасхи церемония была исполнена в полном блеске, только с некоторою переменою, в которой по чувствам моим к вице-адмиралу Кодрингтону я отказать не мог. Достойный адмирал сей, желая разделить ту честь, которой корабль «Азов» удостоился, прислал покорнейше просить у меня Георгиевского вымпела и вместе с тем дозволить поднять оный во время церемонии у себя на корабле, с извещением, что от него предписано со всех судов английской эскадры салютовать по 21 выстрелу. А потому в самый полдень, как скоро

---

¹⁸ РГАВМФ. Ф. 283. Оп. 1. Д. 500.

салют с российской эскадры кончился, то началась пальба с Английского Адмиралтейского фрегата, на грот брам стенге коего поднят был Георгиевский вымпел, а на фор брам стенге свой Адмиральский флаг. Ему последовали по третьему выстрелу прочие корабли и мелкие суда, а в заключение и сама крепость.

Я покорнейше прошу Вашего превосходительства у его императорского величества испросить Всемилоостивейшего снисхождения, по сделанному мною отступлению в церемониале; отступлению, которое казалось мне, относилось к чести Российского флага»¹⁹.

В фонде «Материалы по истории русского флота» (Ф. 315) хранятся копии рапортов командующего эскадрой контр-адмирала гр. Л.П. Гейдена. В рапорте командиру корабля «Гангут» капитану 2 ранга А.П. Авинову «быть в готовности к отражению неприятельской атаки» граф Гейден передает для точного исполнения секретное предписание генерал-адъютанта адмирала и кавалера Дмитрия Николаевича Сенявина за № 146: «Надеюсь, что вы внушите гг. офицерам вверенного вам корабля к руководству правилами, коими они действительно могли бы довести служителей до совершенной исправности в действии артиллерии и в других частях и между тем офицеры стараться будут приобрести доверенность и любовь служителей необходимые во всяком случае службы, а особенно в военное время. При чем прошу обратить ваше внимание, чтобы офицеры не употребляли бранных изречений и не били бы служителей своими руками. Отличнейших же ободрить»²⁰.

Эти предписания выдающихся командиров XIX века отчасти объясняют причины многих побед Российского флота. Подготовленность и выучка, слаженность и доверительные отношения усиливали в бою волю к победе, к которой офицеры и матросы шли вместе.

---

¹⁹ РГАВМФ. Ф. 283. Оп. 1. Д. 500.

²⁰ Там же. Ф. 315. Оп. 1. Д. 2056.

Документы Российского государственного архива Военно-Морского Флота продолжают хранить многочисленные сведения об участниках Наваринского сражения, и отделяющие от 200-летнего юбилея пять лет могут способствовать успешному продолжению всесторонних исследований. В сентябре нынешнего года наш отдел информационного обеспечения и выставочной деятельности подготовил электронную выставку «К 250-летию со дня рождения адмирала графа Логина Петровича Гейдена и 195-летию победы в Наваринском сражении». При работе над выставкой были выявлены интересные документы о жизни и деятельности адмирала графа Л.П. Гейдена и других малоизвестных участников исторических событий.

ДО И ПОСЛЕ НАВАРИНА. ФРАГМЕНТЫ

Столько времени прошло — 195 лет, а открываешь страницы этой истории и поражаешься тому, что ничего не изменилось в мире. Подлые и зачастую шкурные интересы политиков, пренебрежение или в лучшем случае снисходительное покровительство к покоренным народам... А с другой стороны, энергичная деятельность военных, в данном случае моряков, которых впоследствии вспоминали исключительно по поводу узаконенных свыше подвигов, как например, корабль «Азов» и его офицеры, от Лазарева до Истомина...

Далее приводятся несколько фрагментов из книги автора «До и после Наварина», показывающих, насколько сложной, многогранной и во многом до сих пор нецененной оказалась служба военных моряков в Средиземном море в 1827–1828 гг.

Кодрингтон

Самым ярким деянием союзных адмиралов стал решительной ввод кораблей эскадр трех стран (Англии Франции и России) в Наваринскую бухту, который фактически и стал поводом к сражению.

Эта решительность согласных действий и до настоящего времени кажется удивительной. Мнения историков, рассуждавших о причинах, вызвавших такое действие, разнятся, явно в согласии с политикой Великобритании, Франции и России — стран, договорившихся об «умиротворении Греции», а точнее о примирении турок со своими православными подданными, согласно Лондонскому договору «трех дворов». В итоговом протоколе провозглашалось предоставление Греции автономии под верховным владычеством султана. Дипломаты договорились способствовать прекращению войны между греками и турками. Три соединенные эскадры будут крейсировать в водах Архипелага, «чтобы силою воспрепятствовать всякому покушению выслать в море как из

турецких владений, так и из Египта какое-либо вспомоществование войсками, судами и припасами против греческих сил на море».

Все инструкции, которые адмиралы получали от дипломатов и своих начальников, были таковы, что их можно было трактовать неоднозначно. Однако словесные убеждения на представителей Османской империи не действовали. Именно поэтому 18 октября три адмирала подписали совместный протокол, согласно которому они планировали войти в Наваринскую бухту и «заставить османов демонстрацией силы подчиниться их требованию» покинуть воды Греции.

Протоколы протоколами, но в военном деле всегда существовало единоначалие. Главнокомандующий объединенным флотом был английский вице-адмирал сэр Эдвард Кодрингтон (1770–1851), который без тени сомнения направил корабли союзных англо-франко-русских эскадр в Наваринскую бухту, где расположился на якоре тоже объединенный турецко-египетский флот, которые после первых же выстрелов со стороны этого флота ответили артиллерийскими залпами.

Сегодня действия флота трех держав называли бы «дипломатией канонерок». В конечном счете такой политики придерживались все три державы, подписавшие Лондонский договор, хотя ни Англии, ни Франции разгром турецко-египетского флота не был нужен.

Тем не менее монархи трех держав-союзниц щедро наградили адмиралов.

Русский император удостоил Э. Кодрингтона ордена Святого Георгия 2-й степени. В рескрипте (от 8/20 ноября 1827 г.), данном по этому случаю, император написал, что «русский флот гордится тем, что заслужил под Наварином ваше одобрение...»

Л.П. Гейдену были пожалованы орден Святого Георгия 3-й степени, французский орден Святого Людовика (кавалер Большого креста ордена Святого Людовика) и британский орден Бани (рыцарь-командор ордена Бани).

А. де Риньи удостоился ордена Святого Александра Невского и британского ордена Бани ¹.

Л.П. Гейден и де Риньи были произведены в вице-адмиралы.

Именно Кодрингтона считали победителем в произошедшем сражении. За эту победу он был награжден орденом Бани Большого креста. По легенде, английский король Георг IV, подписывая документ о награждении Кодрингтона, то ли сказал, то ли написал: «Я посылаю ему ленту, хотя он заслужил веревки». Так это или нет, неизвестно. Однако факт, что решительность адмирала вызвала недовольство как английского короля, так и обеих палат английского парламента. Любопытно, что и в XXI веке представители английской дипломатии продолжают считать Наваринское сражение прискорбным обстоятельством.

В своей тронной речи французский монарх Карл X упоминал «...о Наварине, как о событии, которое покрыло славой французское оружие и служит блестящим залогом согласия между тремя державами» ².

Австрийский же император Франц I назвал Кодрингтона и других адмиралов убийцами!

Как, по каким причинам все-таки произошло «трогательное» согласие адмиралов, не смог однозначно ответить ни один историк. Думается, что сегодня ответ на этот вопрос мог бы стать темой отдельного исследования. В конце концов, именно разгром турецко-египетского флота позволил затем адмиралам настоять на эвакуации египетской армии с территории будущей Греции, в буквальном смысле спасая восставших...

Утверждения некоторых отечественных историков, что все решительные действия объединенного флота производились по настоянию моряков русской эскадры, довольно нелепы. С какого бы перепугу адмирал «владычицы морей» Британии вдруг пошел бы на поводу у русского?! Про французского адмирала и говорить нечего, его симпатии были скорее на стороне египтян.

---

¹ В ряде публикаций биографии адмирала говорится, что, кроме того, он стал кавалером французского «Королевского и военного ордена Святого Людовика».

² Вариант: «блестящим примером единения трех великих наций».

Зато совершенно достоверно, что греки до сих пор чтят память адмиралов-победителей при Наварине. С образованием независимого греческого государства они были удостоены Большого креста ордена Спасителя.

В небольшом греческом городке Пилос у Наваринской бухты, на главной площади — площади Трех адмиралов, возвышается трехсторонний мраморный монумент-памятник с барельефами Кодрингтона, Гейдена и де Риньи на каждой из сторон ¹.

Хрущов и Рибопьер

После Наваринского разгрома дипломаты Англии Франции и России вынуждены были покинуть турецкую столицу. Для «путешествия» нашего посланника ² — Александра Ивановича Рибопьера, его семейства, свиты и архива в его распоряжение были предоставлены два транспорта Черноморского флота «Сухум-Кале» и «Пример», «замаскированные» под торговые суда. Затем на острове Сира (Сирос) он пересел на посланный от начальника русской эскадры Л.П. Гейдена фрегат «Константин».

Как сообщается в биографической справке о Рибопьере: «Миновав остров Корфу, он (фрегат. — *В.А.*) выдержал страшнейшую бурю, продержавшую их в опасности в продолжение 36 часов...»³ Сам дипломат упомянул впоследствии о шторме в своих записках, отметив, что «...опасность наша была не так велика как воображал» ⁴. И, разумеется, он не упомянул ни названия фрегата, ни фамилию его командира.

Спасибо еще одному участнику Наварина А.П. Рыкачеву, который в своей книге подробно описал эту историю ⁵.

Следуя в Триест, «Константин» в Адриатическом море угодил в сильный шторм (бору) и оказался в критическом положении. Дрейфовавший без парусов фрегат ветром неумолимо прижимало к итальянскому берегу. Угроза разбиться

---

¹ Монумент был открыт в 1930 г.

² Чрезвычайный посланник и полномочный министр в Константинополе.

³ *Половцов А.А.* Русский биографический словарь. Т. 16.

⁴ Записки графа Александра Ивановича Рибопьера // Русский архив. 1877. Книга вторая. С. 12–36.

⁵ Большая ее часть включена в мою книгу «До и после Наварина». М.: изд-во АСТ, СПб: Terra Fantastica, 2002. Гл. 4. С. 220–223.

о скалы была столь реальной, что взятый на Корфу лоцман, старый и опытный моряк, начал настойчиво уговаривать командира фрегата Хрущова не дожидаться неминуемой катастрофы, а самим направить корабль к песчаному участку побережья, «стать на берег» и таким образом спасти хотя бы жизнь членам экипажа...

«Капитан его прогнал, — пишет о дальнейших событиях на борту фрегата А.П. Рыкачев¹. Огорченный лоцман пошел прямо в каюту к посланнику, и без того уже расстроенному от морской болезни, и со слезами на глазах объявил ему об угрожавшей всем гибели и настойчивости капитана. Испуганные этим рассказом дочери посланника стали плакать, но жена А.И. Рибоьера с хладнокровием уговаривала их покориться воле Божией, уверяя, что капитан, конечно, знает лучше лоцмана, что надо делать. Посланник, расстроенный плачем своих дочерей и, не внимая советам своей достойной супруги, требует к себе капитана и форменно приказывает ему исполнить совет лоцмана. На это капитан Хрущов отвечал ему при всех бывших тут офицерах, что приказания его никогда не выполнит, что честь флага и его собственная повелевает ему сохранять фрегат... ему вверенный, и что хотя опасность очень велика, но что он еще имеет множество способов, которые употребит прежде самого отчаянного. Посланник хотел настаивать, но капитан сказал, что он должен привести его в Триест, что он при помощи Божией и сделает, а в прочем распоряжается фрегатом по морскому уставу».

По мнению Рыкачева, командир фрегата надеялся отстояться на 4 якорях корабля, а если дрейф будет продолжаться — рубить мачты... Однако не пришлось делать ни первого, ни второго. «Велик Бог в своих милостях! — восклицает рассказчик. — Вскоре начало проясняться, ветер стал стихать и отходить: сперва поставили стаксели, потом грот-марсель со всеми рифами... так что в продолжение часа могли идти в полветра прочь от берега, угрожавшего им неминуемою смертью за два часа перед этим».

К чести А.И. Рибоьера нужно заметить, что он после того как шторм утих «при всех благодарил капитана Хрущова за его решительность, просил

---

¹ Рыкачев А.П. Год Наваринской кампании. С. 166–168.

извинения, говорил, что надо быть отцом в подобных обстоятельствах и не моряком, чтобы судить о его положении в продолжение шторма...»¹

В своих мемуарах посланник довольно подробно рассказал о путешествии от турецкой столицы до Триеста. Не забыл он и о шторме во время плавания из Корфу. «Внезапно поднялась бора, страшнейшая буря, которая в продолжение 36 часов держала нас в опасности», — пишет Рибопьер, не упоминая о своей попытке покомандовать моряками фрегата и последующих извинениях перед Хрущовым. Зато дотошно объяснил, что, опасность, которой подвергся «Константин», оказалась преувеличенной.

«В самом деле, мы были в большой опасности: мы плыли по воле ветра, и нас чуть не бросило на Манфредонские скалы. Позднее узнал я из сочинения Смита, что опасность наша была не так велика, как воображал, вследствие феномена, порождаемого борою. Имя это происходит от борея или просто от славянского слова буря. Бора нагоняет воду на итальянский берег, скалы отбрасывают напирющие волны, и от этого возвратного движения образуется течение, которое расширяется по мере продолжительности боры. Течение это увлекло наш фрегат и заставило его обогнуть Манфредонский мыс и скалы, далеко выдающиеся в море. Подходя к Триесту, я дал себе слово никогда уже более не садиться на корабль...»²

Как тут не добавить, что Степан Петрович Хрущов (1790–1865), будущий полный адмирал (с 1855 г.) был выдающимся российским моряком. В 1821–1824 гг. совершил кругосветное плавание на шлюпе «Аполлон» с заходом на Камчатку и в Русскую Америку будучи старшим офицером и командиром. В начале 1826 г. был назначен командиром фрегата «Константин» и, командуя им, отличился в Наваринском сражении.

В начале 1838 г. назначен начальником штаба Черноморского флота и портов. Уже в чине вице-адмирала (1843) и еще при жизни М.П. Лазарева с 1849 г. командир Севастопольского порта и исполняющий должность

---

¹ Рыкачев А.П. Год Наваринской кампании. С. 166–168.

² Записки графа Александра Ивановича Рибопьера // Русский архив. 1877. Книга вторая. С. 12–36.

военного губернатора города Севастополя...¹ В 1852 г. он оказался в Петербурге, стал членом Адмиралтейств-совета, а в конце 1854 г. был назначен главным командиром Архангельского порта и военным губернатором города Архангельска.

Пример с «Константином» показателен еще и в том отношении, что спустя всего несколько месяцев примерно в таком же положении оказался на Черном море линейный корабль «Императрица Мария», перевозивший из Варны в Одессу самого Николая I со свитой. И опять же пассажиры попытались управлять командиром корабля...²

«Пример» и его командир

Оказавшиеся в Средиземном море российские моряки и после сражения постоянно демонстрировали свои знания, опыт и старание. Так, уже упоминавшийся транспорт «Пример» за два с половиной года своей средиземноморской кампании совершил десятки снабженческих походов, не прерывавшихся даже в самое тяжелое для плавания зимнее время. И это при том, что само судно (бриг по парусной оснастке) было маленьким, а команда малочисленной: всего 35 человек при 3–4 молоденьких мичманах. В некоторых плаваниях его командиру Ф.Л. Морскому приходилось иногда неделями не покидать верхней палубы. Для сравнения — на более крупном транспорте «Сухум-Кале» кроме командира имелось еще 3 лейтенанта и 1 мичман при 60–65 нижних чинов. На 20-пушечных бригах (типа «Усердие») экипаж включал 6–7 офицеров (в том числе 1 капитан-лейтенант и 2–3 лейтенанта) и 150 человек команды. На скромном по размерам «Ахиллесе» было 6–7 офицеров и 80 нижних чинов.

Биография Федора Львовича Морского умещается в несколько строк: окончил Николаевское штурманское училище, мичман с 1815 г., десять лет ежегодно плавал на судах флота по Черному морю. В 1825 г. назначен командиром нового транспорта «Пример». Две кампании водил его по

---

¹ Рыкачев А.П. Год Наваринской кампании. С. 166–168.

² В настоящее время автор готовит статью, повествующую об «Императрице Марии» во время шторма осенью 1828 г.

черноморским портам, а в 1827—1830 гг. по Средиземному морю, с 17 марта 1829 г. в чине капитан-лейтенанта.

В начале 1830 г. «Пример», выполнив свой последний рейс в составе эскадры (в Триест за архивом посольства в Константинополе), отправился на Черное море. Плавание в Эгейском море от Поро до Босфора продолжалось почти месяц (с 22 февраля по 17 марта).

Измотанный непрерывными плаваниями старательный командир маленького 150-тонного брига капитан-лейтенант Ф.Л. Морской в этом походе серьезно заболел. Наверное, он прибаливал и раньше: «Здоровье мое не могло поправиться и все шло хуже и хуже, постель сделалась необходимостью», — рапортовал командир транспорта начальнику эскадры. Из Босфора «Пример» отправился уже без своего командира. Совершенно разболевшийся моряк, как пишет Кадьян, «впал в чахотку» и был переведен на стоявший в Константинополе линейный корабль «Пармен», на котором впоследствии этот офицер добрался до Одессы. К сожалению, вылечить его не смогли ни здесь, ни в Севастополе, где Морской «впал в совершенное расслабление» и в сентябре 1830 г. Скончался¹.

Заключение

Судьба Ф.Л. Морского — яркий пример условий службы российских моряков в Средиземном море. После коротких летних кампаний на Балтийском море, в течение 3–4 месяцев корабли эскадры Гейдена, отправившиеся в Средиземное море в июне 1827 г., вернулись обратно в конце мая 1830-го. Большую часть этого времени моряки и особенно нижние чины провели на борту своих кораблей, да еще и в полной боевой готовности.

После Наваринского сражения на их долю пришелся долгий тяжелый труд: частые переходы в любую погоду, кропотливое бдение у Дарданелл и досмотры купеческих судов, постоянный ремонт гниющих прямо на глазах собственных кораблей. В течение двух с половиной лет приходилось недосыпать и недоедать,

---

¹ РГАВМФ. Ф. 315. Оп. 2. Д. 66. Л. 276–279 об.; Ф. 205. Оп. 1. Д. 145. Л. 78. По данным Общего морского списка (Ч. 7. СПб., 1893. С. 558) «13 сентября 1830 исключен из списков умершим».

мерзнуть на сквозняках зимой и мучиться в непривычной жаре летом и при всем том чуть ли не ежедневно быть готовыми вступить в бой не только с противником, но, возможно, и с союзниками — англичанами. Вместо «славных» боевых ран морякам эскадры Гейдена достались болезни, а зачастую и безвестная смерть с погребением в водах Средиземного моря или в скромной могиле на чужой земле...